

М. Козырева

Д Е В О Ч К А
П Е Р Е Д
Д В Е Р Ъ Ю

Длинный полутемный коридор. Возле каждой двери- табуретка. На каждой табуретке- примус. Или керосинка. Керосинки коптят. Примуса шумят. Пляшут на чайниках крышки..

А коридор пуст.

И только возле одной двери делают что-то мало понятное. Девочка стоит рядом, нахмуренная, засунув руки в карманчики фартука, и строго спрашивает:

- А вы чего заклеиваете нашу дверь? Это наша дверь. У меня игрушки там. Вот папа придет- он вам даст!

Ей не отвечают. Молча работают, а затем подбирают с пола портфели и проходят мимо нее- странные граждане с портфелями под мышками и с тщательно загороженными от ее сурового взгляда пустыми безглазыми лицами.

С тихим шипением смолкают примусы. Люди выползают из дверей, берут чайники и исчезают. А лица у них не как всегда, а как у тех дядек- без глаз...

Что с ними? Ведь она их отлично знает. Они веселые. Заводят патефоны и поют песни. Они дарят ей печенье и конфеты, и спрашивают, кого она больше любит- папу или маму...

Примуса стоят смолкшие.

В коридоре темно. И тихо-тихо.

...Жил на свете царь Дадон,
С молоду был грозен он.
И соседям то и дело
Наносил обиды смело...

Бегал, наверное, по коридору и плевал в чайники. Или выкручивал фитили, чтобы они не коптили...

Ничего ведь не произошло. Папа и мама уходят всегда на долгое. Мама едет в Москву - к редактору. А папа иногда едет с ней вместе, а иногда улетает даже. Потому что мама - просто переводчик, а папа - и переводчик и летчик. Он прилетит. Оторвет ихнюю противную заклейку с двери, а дядек тех больше не пустит. Он будет крутить ее по комнате и петь песни:

"Открывай пошире рот!

На те, Витья, пряник!

Мне сегодня перевод

Заказал ботаник! .."

Перед уходом мама всегда целуется. Сегодня тоже поцеловала. Встала на одно колено, притянула Витю к себе... и поцеловала. И ушла. И с ней... какие-то. С ее работы-редакторы (она сказала Вите). А потом пришли эти... Ну и что?

Тишина в коридоре. За каждой дверью сидят летчики и молча пьют чай. Или не пьют. И чайники стынут на их подоконниках.

И вот, в тишине, за одной из дверей начинает хрипеть патефон. И дверь распахивается. На освещенном пороге женщина-летчик Милица Васильевна. На ней черный капот с хризантемами, в волосах бумажки, в зубах папироса.

- Виктория! - кричит она на весь коридор. - Марш ко мне пить чай! С бубликами. А ну по-быстрому!

А патефон в ее комнате вопит, что есть мочи:

"Сэ-эрд-це! Тебе не хочется по-ко-ю!.."

И под его победные вопли я вступаю в жизнь. С этого часа я помню все подряд.

"ЧТО ТАКОЕ
ХОРОШО
И
ЧТО ТАКОЕ
ПЛОХО"

1.

- Нянь! А эта тетя на картине, кто? Королева?
- Никакая не королева.
- Ну тогда герцогиня? Или графиня...

На этом мои познания в геральдике, возвращенные на мамином брогхаузовском Шекспире, иссякают, и я умолкаю.

Но женщина в золотой одежде, с короной на голове, смотрит на меня из рамы и не дает покоя. И странные крылатые не то дяденьки, не то тетеньки вокруг нее. И мальчик. Ну как же не королева? Вот и у него корона. Значит он принц.

- Так кто же она тогда?!
- Плотникова жена, - отвечает няня и с грохотом ставит утюг на подставку.

...Вовсе уже непонятно...

- А эти кто- с крыльями?
- Ангелы. Они ей служат.
- А почему?
- А потому что Царица Небесная.

Простыня взлетает в няниных руках подобно Белеет-парусу.

Ух ты! Вот оно что! Ну тогда все понятно- и синенький стаканчик на цепочке, и огонек в стаканчике... И корона... Царица Небесная- это, наверное, главное в сто раз, чем Золотая Рыбка. Рыбка- Владчица Морская; у нее только рыбы и восьминоги всякие. А у Царицы Небесной кого только нет! И ангелы эти, и воробы, наверное... И

летчики тоже, конечно!.. Вот это царство!

И словно в подтверждение моих размышлений в оконное стекло требовательно начинают лупить носами громогласые подданные Плотниковой Жены. Няня ставит утюг и идет к шкафчику.

- Сейчас мои лапоньки. Сейчас, мои сирокузики...

Няня достает мешочек с пшеникой и сыпет через форточку на подоконник. Воробыи гомонят, подпрыгивая от нетерпения, а няня Груша отпускает в их адрес нелестные замечания:

- Ведь еще насыплю, дурья твоя голова, чего скачешь, козел заморский? Ладно, там у меня на кухне еще перловка была...

Но только няня отходит, как над колодцем двора медленно начинают парить две жирные вороны, прилетевшие из Соседнего-Двора-в-который-Ходить-Нельзя.

- Няня! Вороны!

Но вороны уже, нагло отпихнув перепуганных воробьев, долбят черными клювами по подоконнику, стараясь сожрать до няниного прихода как можно больше.

- Ах ты, Гамлет проклятый! - бушует няня. - Чтоб тебя дождь намочил! А, ну, брысь отсюдова, прорвы!

Вороны, не торопясь и не теряя достоинства, отлетают. Тем более, что они уже все сожрали. А неунывающие воробыи снова скачут по подоконнику, отлично зная, что няня не замедлит навести справедливость и даст перловки.

Вот интересно: а вороны тоже подчиняются Царице Небесной? Нет. Наверное, они у нее шпионы. Или враги народа. Должны же в Ее царстве быть Враги Народа?..

2.

Мои мама и папа уехали в командировку. Командировки бывают большие и маленькие. У мамы и папы очень большая командировка. Так мне сказала женщина-летчик Милица Васильевна. Сначала я жила у нее. Долго. Наверное, целый месяц. А потом пришел Комендант Общежития и сказал ей, чтобы она отдала меня в Детский Дом.

Тогда Милица Васильевна взяла меня за руку и поехала со мной в Москву. Она сказала:

- А теперь, Витька, попробуй привести меня к каким-нибудь твоим знакомым. Или дальним родственникам.

И я повезла ее к нянечке Грушке. Раньше—когда я жила с мамой и папой, мы часто ездили к нянечке, и дорогу я знала. Мы сели в трамвай-тройка и поехали. Когда я ездила с мамой, я всегда смотрела в окошко, и, когда вылезать, я помнила. Надо было доехать до площади, где с одной стороны ворота, а с другой— большой красный дом, и роют под землю дырку. Мы слезли и пошли через площадь к няни-грушиному дому. А когда шли мимо Соседнего-Двора-в-Который-Ходить-Нельзя, Милица Васильевна остановилась, побледнела и говорит:

- Э, нет, брат... Это куда ж ты меня ведешь? Сюда я еще не хочу.

- Нам не сюда, Нам туда.

И привела ее, куда нужно.

3.

Няня Груша- не мне няня, а моей маме. Она ее кормилица. Это почти что бабушка. Так она мне объяснила.

Ее квартира очень хорошая. В ней много разных людей. И все готовят на кухне. Не как у летчиков- на табуретках, а все вместе. Кухня у них громадная. Примуса кужжат на разные голоса, и надо громко кричать- иначе ничего не слышно. И от этого очень весело. Пол у них на кухне в красную и желтую клетку, и по нему можно скакать в классики. И коридор у них не такой, как у летчиков, а весь кривой. В нем много сундуков и старых кресел, и там очень хорошо играть в прятки, или в шпионов.

В няниной квартире живут два больших мальчика- Шура и Ясик, и девочка Илика. Илика еще маленькая, она играть не умеет. Она только бегает за нами следом. Или закроет ладошками глаза и говорит:

- Ищите меня, я спряталась.

Няни-грушина комната самая лучшая. Она прямо за кухней. В ней стоит наша с няней кровать, столик, две табуретки, и висит шкафчик. В шкафчике три полки: на одной- чашки с блюдцами, две маленькие мисочки, чайник и сахарница. На другой- книжки- нянинны, моя и одна мамина: "История искусств". А на третьей- пшенка для воробьев и всякое неинтересное.

Окно у няни глубокое. На нем можно сидеть и смотреть во двор. Или на нянинны картины про Плотникову Жену

и про ее мальчика. Картина многое, и они все висят на стене рядом с окном. И синенький стаканчик на цепочке. А внутри него огонек.

4.

Няня — самая главная в квартире. Она не их няня, а моей мамы, но все равно все — и взрослые тоже — ее зовут "няня". И все ее слушаются. И без нее ничего не знают.

Рано утром я просыпаюсь и слышу, как няня стоит на коленях и разговаривает с Плотниковой Женой. Я не очень хорошо все слышу, про что она ей говорит, потому что не проснулась еще совсем, и их разговоры я еще немного сплю.

Няня говорит долго. Иногда из кухни кто-нибудь заглянет, видит, что няня занята, и уйдет — не хочет ей мешать. Но няня все равно отвлекается. Вдруг понюхает-понюхает и как закричит, прямо так — на коленях:

— Николай! Ты что там макароны на постном масле что ли жаришь? У вас ведь жир еще есть.

— Так Нюра на дежурстве. А я не знаю, где у нее там...

— За окном погляди. В эмалерованной кастрюльке, — советует няня.

И снова кланяется. Но так у нее ничего и не получается. Няня прислушивается, вскакивает и бежит на кухню.

— Ты что ли с ума сошел?! — шепчет она испуганно (так, что мне слышно), — эмалерованной от алюминиевой отличить не может. Это же лизкина!..

Выдав дяде Николаю жир и отругав его как следует, няня возвращается. Но тут уже просыпаясь я, и стучат в

окна воробьи. Няня велит мне одеваться, дает крупу и идет проследить, чтобы эти окаймленные шалапуты- Яська с Шуркой- не умчались в школу не емши, благо матери на работе... Я кормлю воробьев и теперь уже сама кричу на ворон:

- Пошла отсюда, Гамлет проклятый!

Последней на кухню выходит Лизка, у которой дядя Николай чуть не съел жир из алюминиевой кастрюльки. Няня жарит оладьи, а я стою рядом и смотрю, как Лизка гладит свои блузочки и поет песни. Лизка ни с кем не здоровается, а только поет песни. Она поет: "Не спи, вставай, кудрявая, в цехах звения..." И я так думаю- Лиза эту песню про себя придумала - такая она кудрявая. Закончив петь, Лиза убирает утюг, одевает в коридоре перед зеркалом свой беретик и жакетку и идет на работу. Лиза работает машинисткой на Соседнем-Дворе-в-Который-Ходить-Нельзя.

5.

Тихо стало в квартире. Все ушли. Мы с нянечкой забираем Илику к себе. Няня готовит, а пока у нее варится, читает нам книжки. Или моя, или новую иликиму книжку. Книжка толстая- она для больших. Но и для детей там тоже немножко. Очень хорошая книжка!

Жили-были Сима с Петей!
 Сима с Петей были дети!
 Пете- пять,
 А Симе- семь
 И двенадцать вместе всем!

Хоть в мячик под нее скачи, хоть считайся! Нам с Иликой очень нравится! А няня читает, читает... и все время ворчит:

- Скажите, пожалуйста! Детей он учить взялся! Этот научит! Чем плохое, что не плохое- все расписал, хоть в раму его вставляй такого умного...

А я не понимаю:

- Что ты на него сердишься? Ты читай!

Вечером Шура, когда со школы пришел, все нам рассказал- чего няня этого писателя не любит: она один раз к Первому Май (это давно было- Шурка с Яськой еще в школу не ходили, а теперь они уже на второй ступени)- мыла окно в кухне и вдруг напротив в окне как бабахнет! Няня и говорит: "Шурка! Беги погляди, у кого примус опять взорвался..."

А оказалось- совсем не примус... А тот писатель, который Иликину книжку написал.

Из нагана в себя. Сам...

- Нянь, а в себя сам... разве убивают?

- Нече глаза таращить. Зубы чисть и спать. Ночь на дворе.

Я не хочу спать. Я сижу на окне и гляжу. Многе как окошек в нашем дворе. Одни окошки веселые- с занавесками, и абажур красный, и цветок на подоконнике. А в других- только лампочки под потолком, и никаких занавесок.

И видно, как дяденька какой-то ходит по комнате. Ходит и курит. Одна папироса кончается - он чирк! И опять курит... А в другом - мама какая-то с ребеночком. Тоже ходит. Укачивает его, наверное. У нее еще лампа стоит на столе и машинка, на которой печатают. Мама подошла, взяла со стула платок, прикрыла лампу - чтобы маленькому не светило... И все ходят и ходят.

"Спи, моя радость, усни..."

Это моя мама так пела.

"Мышка за печкой не спит, мышка все время скрипит.
Кто-то вздохнул за стенкой. Что нам за дело, родной?..."

...А одно окно совсем черное. Прямо напротив нашего. Оно и днем черное - в нем теперь никто не живет.

"Контроль

Кука".

1.

...Звен, шипенье и скрежет.

Я просыпаюсь.

Крохотный, как мышонок, трамвайчик выскользнул из кружева занавески, помчался по синему снегу, юркнул за пудреницу и скрылся. Человечки- черненькие, как чаинки на скатерти- бегут врассыпную сквозь стебли цветка, спешат, исчезают в листьях, снова появляются, и как угорелые, мчатся дальше...

Рой желтых снежинок вокруг фонарика гаснет. Снег из синего становится серым...

-Бам! Бам-м! Бам...- раздается где-то в глубине квартиры.

Цветок в горшке стоит на столике перед зеркалом. Я лежу на диване в чужой незнакомой комнате. Прямо над мной на стене прикоплены фотографии: зареванный мальчик в нагруднике, другой мальчик постарше- на нем длинное пальто и фуражка, а за спиной ранец; уши в разные стороны, рот раскрыт... А, вот, красноармеец. Не понять только- дяденька или мальчик. На нем шлем со звездой. И ружье в руках. А на носу очки. Никогда не видела красноармейца в очках... И еще летчик. Тоже в очках. Как мой папа...

Тут уже я окончательно просыпаюсь и соображаю, что лежу на диване, в комнате паниной тети Юны, в городе Ленинграде, а все эти мальчики на стене- и есть мой папа.

Мой папа (и мама тоже) уехали в командировку. Командировки бывают большие и маленькие. У папы и мамы очень большая командировка. Ей и конца не видно. Папа и мама живут в командировке, а я жила у маминой няни в Москве...

-... в комнату прислуги! За кухней! По стенам иконы! Чад! Всень!

Тетя Юна так все это расписывает, что у меня даже в носу першит- такая я, оказывается, была несчастная.

Вокруг за столом- таким огромным, что на нем можно в пятнашки бегать,- сидят разные мои родственники, качают головами и кормят меня питательной пищей- на первое тертая морковка, на второе суп морковный молочный, на третье вареная котлета с морковнымpure, кефир и, наконец, (слава тебе, Боже)- яблоко!

Родственники разложили на столе тетрадку, чернильницу и перо и пишут план моего воспитания "По Системе".

- Гимнастика и обтирание- это всеизменение! С Фемидой они творят чудеса...

Фемида, с которой гимнастика творит чудеса, сидит напротив меня, повязанная салфеткой, и размазывает морковь по тарелке. Она чуть постарше меня и очень толстая.

Тетя записывает про гимнастику и обтирание, а я гляжу по сторонам.

Комната, где мы сидим, очень красива. Стены синие, и по ним звездочки. На стенах разные картины. И пять уток вниз головами, две с одной стороны, две с другой

и одна посерединке. Сверху, с далекого предалекого потолка спускается абакур, а сбоку у него, точнее перед моим носом, висит шнурок, а на шнурке качается сова и таращит на меня глаза. Когда мы с Фемидой съели свою морковку, Фемидина мама накала у совы под хвостиком, и оказалось, что это не сова, а звонок. И вошла еще одна тетенька, и фемидина мама сказала ей:

- Танечка, уберите, пожалуйста..."

А прямо передо мной- буфет. Он такой... такой, как будто он не буфет, а замок. У него башенки. И разные чертики. И виноград с листочками. И два балкончика, совершенно как настоящие. На одном балкончике лежат разные коробки от конфет, только, наверное, пустые... А на другом- стоят двое. У него серьга в ухе, а на боку сабля. Он держит своими черными руками ее золотые волосы, а она положила ему на плечи руки и глядит ему прямо в глаза... И мы тут сидим, разговариваем, кушаем, а они глядят друг на друга, а на нас даже внимания не обращают..

2.

... А он ее потом задушил подушкой.

Я чуть не лечу вниз от неожиданности. Я стою на стуле, который притащила к подножию буфета, и гляжу вниз. Внизу, на бескрайней равнине стола сверкает ледяным куполом колпак от сыра и нежно золотятся баранки в плетеной корзинке. Рядом со столом стоит Фемида. Сверху она кажется

ся еще более толстой.

- Что ты врешь?

- Они- Отелло и Дездемона- объясняет Фемида.- Он ее потом задушил подушкой.

Она говорит это с таким удовольствием, что видно, как ей даже приятно произносить эти слова.

- Врешь ты... - повторяю я уже менее уверенно.

Фемида начинает скакать вокруг моего стула на одной ножке и вопит на весь дом:

- Мама! А Вика не верит про Отелло и Дездемону, что он ее задушил. Ведь правда же задушил?

- Тебя Фима, это совершенно не касается- отвечает фемидина мама,- И вам рано обсуждать это- добавляет она строго.- А ты, Викочка, слезь со стула, ты можешь упасть. Фима, покажи Вике книжки. Только помойте руки.

Но Фемида не унимается и из-за спины мамы беззвучно повторяет мне:

- Нет, задушил, нет, задушил...

3.

Нет, мне не нравится эта Фемида.

Конечно, она многое чего знает. И куклы у нее хорошие. Даже глаза у них закрываются. Только они все у нее голые, и вечно у них чего-нибудь не хватает- то руки, то волос, а то и вовсе макушки нет. Хотя зато видно сверху, как устроено, что глаза закрываются. Только это нисколько неинтересно.

По утрам Фемиду обтирают холодной водой. А она ~~заплачет~~ вопит, как паровоз на вокзале. И мама ей каждый раз

повторяет: "Фемида! Куда подевалась твоя воля?" Но Фемиду ничуть не интересует, куда подевалась ее воля, и она воет еще шибче.

Сначала я трусила, что расправившись с Фемидой, родственники примутся за меня. Но им всем хватило Фемиды. А тети-юнинны планы закаливания моего организма лопнули по причине ее дежурств. Тетя Юна работала фельдшером и дома почти не бывала. В редкие свои выходные она принималась за меня всерьез, но в остальные дни я могла по утрам, сколько мне нравится подпрыгивать на диване, разглядывая папинны фотографии и прохожих в зеркале за цветком.

В самый первый раз ко мне пришла домработница Таня и спросила, умею ли я сама одеваться и не надо ли мне помочь. Но я даже ей не ответила, так я обиделась. У нас в Москве даже наша маленькая Илика и та сама одевалась. Только ботиночки путала и приходила к нам на кухню, кесолапенькая, как утенок. А мы с няней ее переобували.

Сначала меня все время ставили Фемиде в пример. Но это было потому, что я еще не привыкла у них и ела всю морковку, которую в меня пихали. А Фемида против нее естественно бунтовала, и весь дом умолял ее покушать еще хоть ложечку.

У них в квартире- куча народу, почти, как в Москве. И кроме домработницы Тани,- все они, мои родственники- и фемидина мама, и папа, и бабушка, и какие-то две старенькие тетушки- тетя Софа и тетя Эля,- которых я вечно

путаю между собой, и тетя Юна, которая меня воспитывает и еще один родственник. Про этого родственника я никак не могу понять — живет он у нас в доме или просто приходит в гости и забывает потом уйти.

Родственника этого зовут странно: Нина-Большой. Почему он "Большой" понятно — он, как говорит фемидина мама, "таки да", — большой... Но почему он "Нина"? Но Фемида мне объяснила. Оказывается, когда-то давным-давно, когда были еще на свете богатые и бедные, у этого Большого была бабушка. Она была богатая. И эта самая бабушка захотела, чтобы ей родили внучку Нину. А вместо этого родился Большой. Тогда бабушку обманули и сказали ей, что это и есть внучка Нина. Я так, правда, думаю, что эта их бабушка просто была дура, если могла такого громадного усатого Большого принять за девочку...»

Этот самый Нина-Большой сначала, когда только меня увидел, очень меня напугал. Потому что сказал мне, что когда-то он мечтал отбить мою маму у Льва, но, увы, из этого ничего не вышло. Поначалу я из его слов вообще ничего не поняла, а потом, вдруг, поняла так, будто это бна мою маму напал лев, и этот самый Нина со львом дрался. Но тогда выходило, что про командировку мне все наврал, а маму мою (и папу, очевидно, тоже) съел лев... И я заорала Нине, чтобы он не врал, что мама и папа в командировке, и никакой лев их не трогал, чтоб он не врал!..

Нина страшно перепугался моего крику. Он сел на

карточки и долго мне объяснял, что я его не так поняла, что это моего папу зовут Лев, такое у него имя. А он- Нина- был в мою маму влюблен, но отбить ее у Льва (это у твоего папы) не смог. Но с этим уж ничего не поделаешь... А командировка- это пустяки, она когда-нибудь кончится, и тогда мы с тобой увидимся с мамой, это я тебе обещаю...

И я простила Нину. Я решила, что когда мама вернется, я уговорю, чтобы она женилась и на Нине-Большом тоже.

4.

Нина-Большой знает очень много. Оказывается, например, Земля круглая. Наверху живем мы, а внизу живут Антиподы. У них все шиворот-навыворот: ходят они вверх ногами и, когда у них зима, у нас лето, и когда мы ложимся спать, Антиподам пора завтракать.

Эта дура Фемида про Антиподов, конечно, не поверила. Ни во что хорошее она верить не желала ни за что. Она сказала, что про Антиподов это вранье, и про Плотникову Жену тоже вранье, а про ангелов- так и вовсе.

- Мама!- завопила она.- А Вика верит в ангелов!

И фемидина мама стала мне объяснять, что про ангелов придумали старые глупые люди, а я уже большая девочка, и даже буквы знаю, и мне стыдно верить в подобную чепуху. Ангелов никто не видел, и значит их нет.

Я даже обомлела от подобного заявления.

- А как же их тогда нарисовали?- спросила я, потрясенная.

- Ага! - сказал Нина-Большой, - Рая, сдавайся! Одноль в ее пользу.

Но тетя Рая не сдалась. Она смотрела на меня с со-страданием и объяснила мне, что раньше верили в этот дурман, и художники по заказу попов рисовали ангелов по-воображению. Потому что на самом деле ангелов не существует, так что видеть их они не могли. И только придумы-вали, чтобы глупые люди молились...

На минуту я испугалась. А вдруг, она права, и анге-лов нет? Но тогда получается, что и моих папы с мамой тоже нет. Потому что я уже и вовсе не могу вспомнить, какие они, а ангелов, особенно одного, - который корону сзади держит над Плотниковой Женой в маминой Истории искусства - я даже очень хорошо помню... Пожалуйста! Хоть сейчас могу пойти поглядеть на него, потому что няня мне эту книжку с собой дала... Но тут меня осенило:

- А воробьев, что ли тоже нет? - спросила я.

- Господи, при чем же здесь воробьи?! - воскликнула тетя Рая, захлопав глазами.

Фемида открыла рот, кажется, вроде бы для того, чтобы начать скакать, крича, что и воробьев нету. Но спохватилась, закрыла рот и стояла, сбитая окончательно с толку, ибо что ни говори, а воробьи несомненно были. Нина же Большой страшно захочотал и закачался в качалке, взбрыкивая ножищами чуть ли не к потолку.

- Я говорю тебе, Раиса, не берись сражаться с до-черью Маргариты и Льва! Она тебя уложит на обе лопатки.

Меня немного удивило, как это я могу уложить громадную тетю Раю на обе лопатки, но, что я победила, я поняла отлично. А главное, мне понравилось, что я, оказывается, — Дочь Льва и Маргариты. И что раз так, то значит они существуют на самом деле, и я про них не придумала.

5.

Дело в том, что последнее время я обнаружила интересную вещь. Оказывается, если хочешь, то можно придумывать про что угодно.

Начала я скромно. Я стала придумывать про то, как мне подарили куклу. Куклу звали Иликой. Она была целая, макушка у нее, конечно, была на месте. Она была не голая, а в пальтишке с капюшончиком и в башмачках. Потом эта Илика обросла кроваткой, посудкой и буфетом, как тети-раны только малюсеньким.

После этого Илика стала говорящая, а мы с ней решили рассказать Отелло и Дездемоне все про платок и про Яго, и чтобы Отелло проткнул Яго саблей и больше никогда нессорился с Дездемоной.

Дело в том, что эта окаянная Фемида притащила из отцовского шкафа Шекспира и, как дважды два, при помощи иллюстраций, доказала мне, что Отелло Дездемону таки задушил...

И вот тут я взбунтовалась. Это был какой-то неправильный Шекспир! Я решила его переделать. У моего Шекспира Корделия приезжала верхом на коне и в латах (смотри

иллюстрацию к Генриху У1, часть 1., акт III, сцена 3, изображение Жанны Д'Арк), прогоняла вон Гонерилью с Реганой, а Ромео с Джульеттой не умирали, а шли учиться в школу в девятый класс...

Все эти истории я потихоньку рассказывала Нине-Большому. Вечерами мы с ним забирались в качалку и там шепотом, с книгой в руках наводили у Шекспира порядок. И Нина-Большой очень мне помогал. Про Ромео и Джульетту, например, это он придумал. И Виолу выдать замуж за шута Фесте я вряд ли бы сама догадалась...

6.

В конце концов Нине сказали, чтобы он не морочил ребенку голову, которая и без того задуренная, и Шекспира у нас отобрали.

Но тут дядя Нина принес к нам в дом "Мистера-Твистера". И вдруг, так оказалось, что это опять было про Отелло и Дездемону. Хотя, если говорить по-честному, Дездемоны там все-таки не было (нельзя же было зачислить в Дездемоны девицу с мартышкой в руках, даже при нашем буйном воображении?..), но зато, конечно, там был Отелло! И он был здесь - в Ленинграде, в Англетере (улица Гоголя, третий подъезд)... И он был не страшный дурак с подушкой, которому ничего уже нельзя объяснить, а "...шел он спокойно и трубку курил". Если говорить по-честному то Мистеру-Твистеру я тоже сочувствовала. Что с него взять, с бедного буржуа, раз он ничего здесь у нас понять не может?..

Но конечно, самое-самое главное в "Твистере" это была- Контора Кука! Про контору Кука было сказано так:

...если вас одолеет скука,

и вы захотите увидеть мир-
остров Таити,

Париж,

и Памир,

Кук для вас в одну минуту
на корабле приготовит каюту,
или прикажет подать самолет,
или верблюда за вами приведет.

Горы и Недра,

Север

и Юг

Пальмы и кедры

покажет вам Кук!

Ну, так, пожалуйста! Я захотела! Я захотела увидеть горы и Недры, Пальмы и Кедры! Я захотела, чтобы за мной прислали верблюда, и мы бы сели на этого верблюда с Ниной-Большим... Или с Ниной-Большим и с куклой Иликой... И еще с Отелло и Дездемоной. И мы бы поехали на нем к няне Груше. И к Маме с Папой в командировку. А потом с нами вместе... только одного верблюда нам было бы, пожалуй, мало. Ну тогда пусть Кук приведет за нами еще одного верблюда. Или пароход. Пароход это даже, пожалуй, еще лучше. И мы бы все вместе поехали на нем к Антиподам! ..

7.

Что-то странное происходит у нас в доме...

Взрослые сидят за столом молчаливые, тихие. Они не смотрят на нас с Фемидой, не замечают, что мы отдали Тане почти полные тарелки с марковью. В другое время на нас накинулись бы со всех сторон. Но что-то у них сегодня произошло, потому что они даже не замечают, как мы потихоньку жрем черный хлеб, а Фемида даже машет его горчицей...

Все тети (и моя тетя Юна, которая меня воспитывает) сидят и молчат. И только, когда Таня, забрав тарелки уходит, тетя Рая чиркает спичкой, закуривает и говорит хоть и басом, но очень тихо:

— И все-таки, Юна, ты не права. Там... — сказав это слово, тетя Рая показывает пальцем на потолок. Там, — повторяет она уже потише и выпускает столб дыма из ноздрей. — Там не ошибаются. Или это какое-то дикое недоразумение, и завтра оно рассеется, как дым (И тетя Рая машет рукой, чтобы показать, как оно рассеивается). — И завтра Нина будет здесь с нами, и все мы будем страшно хохотать над сегодняшним эпизодом. Или же нам остается думать, что, как это не противоестественно, но Григорий все же в чем-то замешан. Ведь почему-то моего Евгения — и она указывает на молчавшего фемидиного папу — не вызывают. Не так ли?

— Я бы попросил... — неопределенно мычит фемидин папа. — Я бы попросил тебя, Рая, этот разговор прекратить. И он уходит к себе в кабинет.

Но разговор не прекращается. Одна из тетей, которых я всегда путаю, сначала слегка вздыхает, а потом начинает говорить что-то не очень понятное про всегдашнее юнино легкомыслие, которое ведь может отразиться и на других...

- Я, конечно, не говорю про ребенка, хотя и в этом все же не следовало поступать, очертя голову, и эта странная вызывающая фотовыставка в комнате Юны, уж кажется, без этого можно было бы отлично обойтись...

И тут крохотная моя тетя Юна встает и делается внезапно большой, почти как Нина-Большой, который, оказывается, Григорий, и в чем-то, быть может, замешан. Очи тети Юны сверкают.

- Софья! - говорит она громовым голосом. - Ты всегда была не умна, но это предел! Идем отсюда, Виктория!

Тетя Юна берет меня за руку, и мы уходим с ней в ее комнату. И у меня почему-то остается туманное впечатление, что причиной того, что в доме неладно, и того, что Нину-Большого-Григория куда-то вызвали, и того, что, как мне кажется, "страшно хохотать" мы завтра будем навряд ли что причиной всему этому являюсь почему-то я...

8.

Мне разрешили гулять во дворе одной. Это очень хорошо. Я сижу на газоне и лопаткой копаю в земле дырку. Я копаю уже третий день. Дырка уже большая. Чтобы взрослые ничего не заметили, я засыпаю дырку опилками от попрыгайчиков.

Когда я выкопаю Землю насеквось, я убегу к Антиподам.

Каждын

Потому что здесь мне уже все надоело.

Я теперь все путешествую и путешествую. И меня все воят и воят...

Сначала я жила у какой-то тети Лизы, которая боялась соседей. А потом у ее подруги Таши, у которой за ширмой пряталась елка, и по вечерам мы с тетей Ташей зажигали свечки и завешивали окна и двери одеялом, чтобы никто не увидел елку.

А потом за мной приехал мой двоюродный брат Глеб, и я жила у него и его жены Люси и у моего племянника Леки.

А потом случился пожар, и мы стояли с Лекой и Лидой-дочкой нашей хозяйки- и смотрели, как Глеб с Люсей и с нашей хозяйкой Дашей и с другими соседями с нашей улицы, выстроившись цепочкой, от одного к другому, как будто это у них такая игра- передавали друг другу ведра с водой. Небо было черное, а огонь красный, и искры сыпались в разные стороны, а люди были, как фигурки из фотобумаги, которые мне вырезал Нина-Большой...

И меня опять куда-то повезли.

И я все сижу и сижу на столике, и смотрю в вагонное окошко, и ем бутерброды с котлетами... А меня все передают и передают друг другу, как то ведерко ...

Но вот, поезд подкатывает к перрону. И снова какой-то не то мой родич, не то знакомый родича берет меня под мышки и передает вниз. Внизу на перроне стоит няня Гру-

ша. И с ней рядом нестерпимо прекрасная женщина, похаживала на всех моих ангелов сразу и даже на Плотникову Жену впридачу (только более худая).. На темных ее кудрях "фик-фок-на-один-бок" одет берет с перышком, и пушистое меховоеboa лежит на плечах поверх жуткого серого ватника...

Женщина протягивает ко мне руки, а я обалдело гляжу на нее и говорю очень вежливо:

- Здравьте, тетя... То есть... Тьфу...

Но дальше я договаривать не решаюсь...

Верблюжьи

хроники

1.

Полу-Таратонка

В свете фар большие грузовики, до верху груженные зерном, мчатся навстречу.

... Это, наверное, Таратонки. А наш- маленький- Полу-Таратонка. Полу-Таратоночка. Полу-Таратончик! ..

В кузове мы трое- папа, мама, я... В ногах у меня решето с виноградом. Не кисточка, не кулек, а целое решето.

Мамины волосы хлещут по ветру. Возле моей щеки папино плечо. Нужно как можно крепче держать его за руку, за рукав и не разжимать. А то возьмет и окажется, что я силью, что нет ничего- ни дороги под фарами, ни решета с виноградом, ни папиного плеча под щекой...

Моя мама и папа вернулись из командировки.

Иликина мама сказала, что это чудо. Что этого не может быть. Что так не бывает!.. Но это было!

Сначала вернулась мама. И год мы жили с ней одни без папы у разных квартирных хозяек. Потому что няня-грушину комнату забрала себе для своего двоюродного брата их соседка Лизка, а няню Грушу взяла жить в свою комнату иликина мама.

А потом мы получили письмо от папы. Папа нам написал, что вот-вот приедет. И я сказала Фелику- сыну нашей квартирной хозяйки:

- Вот, попробуй только, толкни меня еще раз! Мой папа, знаешь, как тебе наподдаст!

- Ну и врешь,- сказал Фелик.- Нет у тебя папы.

- Нет есть,- сказала я.- Вот письмо папине. Он-
вот-вот приедет.

- Па-адумаешь, письмо... протянул Фелик.

Но больше он меня не толкал.

Мы с мамой долго-долго ждали, когда папа приедет вот-вот. Мы вычистили и отгладили папины брюки и отдали починить ботинки, а папы все не было. А потом пришло второе письмо. Папа нам писал в этом письме, что к нам не приедет, потому что у него "Минус сто".

- Минус сто- чего?- спросила я маму.

Но мама мне не объяснила и стала читать письмо дальше. А дальше в письме было про то, что папа поступил на работу преподавателем иностранных языков и переводчиком в одно место, которое называется "Верблюд"!

"И обязательно скажи Витьке,- писал папа,- чтобы брал с собой зонтик. Потому что верблюды здесь шастают по улицам вместе собак и жутко плюются."

И еще, что б мы быстренько собирались и приезжали.

И мы собрались и поехали. Мы приехали в город Ростов, и папа нас встретил. Под мышкой у него было решето с виноградом, так что целоваться папа мог с нами только по-очереди. А шофер Полу-Таратонки стоял рядом и ждал, пока мы нацелуемся. Потом ему надоело ждать, он забрал у папы решето, меня вместе с решетом посадил в кузов и помог залезть маме. А папа залез сам, И мы поехали

- Папа,- говорю я сонным голосом.- А зонтик мы не купили. Папа качает головой.

- Да, это плохо. Но на первый случай мы оденем противогазы.

- Пап, а где мы там будем жить? У квартирной хозяйки?

- Мы не будем жить, а уже живем (ибо у меня там уже стоит мой сидор), в домике на улице Специалистов, где есть две комнаты, кухня, терраса, чердак, подвал, два стула и диван. И ванна в проекте. Диван - чудовищный. Ты, Мага, испугаешься. Как у зубного врача. У мамы глаза делаются большие-пребольшие.

- Левка, ты врешь!

- Клянусь! Но не спрашивай, как мне сие удалось.

- А как тебе сие удалось? - немедленно спрашивает мама.

- Тайна!

Я не верю своим ушам.

- Мы что ли будем квартирная хозяйка?

- Вот еще! - удивляется папа. - Зачем нам?

- Мы будем жильцы? - спрашиваю я, стараясь не выдать своего отчаяния.

Мама отлично меня понимает. Она притягивает меня за плечи и прижимает к себе.

- Мы будем - не жильцы и не хозяйки. Просто мы будем жить там.

- А разве так бывает?

- В стране под названием "Верблюд" - гордо говорит папа, - бывает все!

И шепчет таинственно:

- А сейчас держи решето крепче... Мы проезжаем по-

селок под названием "Злодейская"! Имей в виду, пользуясь тьмой, злодеи могут напасть в любое мгновение...

Я смеюсь. Что мне теперь все злодеи Злодейской?! Мы будем ни жильцы - ни хозяйки! Мне не страшно решительно ничего!

Мирно побрехивают в темноте злодейские собаки. Редкие огоньки уснувших злодеев остаются позади... Я прижимаюсь к папиному боку и засыпаю...

...А я утверждаю, Маргарита Викторовна, что Вика брала мой будильник! Я утверждаю, что она его заводила. В противном случае, почему же он прекратил играть? Ведь до этого же он играл, не так ли?..

... Нам совсем недалеко, Витек. Вот мы сейчас перейдем рельсы - видишь, поезда нет, можно идти. А потом лес, а за ним уже и дом, где мы теперь будем жить... Ты не смотри на эти огоньки. Это не волки, это собаки, они тоже любят гулять в лесу. Они добрые, они нас не тронут..

... Мам, а ты зачем зажигаешь спички? Мам, смотри - собаки уходят. Собаки, что ли не любят, когда зажигают спички?

..., Ваши документы, гражданка. Можете войти в дом, забрать свои вещи. Дом опечатывается...

... А как же наша хоя....

... Ваша хозяйка пре-про-вождена. Пре-про-вож-де-на-пре-про...

- Витька! Витька, проснись скорее! Смотри, лиса на дороге!

Я приоткрываю один глаз.

Освещенная фарами, самая настоящая лиса, рыжал, как

на картинке- перебегает дорогу. Полу-Таратонка рявкает на лису. Лиса прибавляет ходу, и уже в безопасности, из кустов обиженно тявкает нам вслед.

.... Вот это да! Еще и лиса впридачу...

2. Первый день

Утром я просыпаюсь, скатываюсь с дивана, кое-как напяливаю ботинки и, ударяясь об наши чемоданы и стопки книг, мчусь к окну- надо же увидеть, наконец, живых верблюдов! Что они меня оплюют, я не очень уж опасаюсь. Понадеяло на то, что папа про это придумал. Что-то мне вчера показалось, будто папа у меня иногда врет...

Я распахиваю окно и сажусь на подоконник. В Москве, когда мы уезжали, было уже холодно, лил дождь, мы были в пальто и галошах, а здесь солнце шпарит все-всю.

Улица наша прямая как палка. С обоих сторон ее идут одинаковые кирпичные домики в один этаж, с двумя верандами каждый и с низенькими зелеными заборами. И вдоль всей улицы тоненькие деревья с резными листьями и с маленькой, как тарелочка, тенью. Улица совершенно пустая. Ни одного верблюда, как назло, нет. Людей- тоже. Наверное, все специалисты разошлись по своим специальностям.

Но вот далеко впереди появляется облако пыли.

Наконец-то! Ну вообще-то я верблюдов в зоопарке видела. Но этот какой-то... Наверное, он просто еще маленький, потому что облако невысокое. Но пока я все-таки сижу и раздумываю, не захлопнуть ли мне на всякий

случай окне, пыль рассеивается, и в ней становится виден почти голый (если не считать трусиков) мальчишка, на ходу жрущий кусок арбуза. По щекам мальчишки и по животу течет сок, присыпанный пылью, так что вид у него страшовитый.

Доехав все, мальчишка ногой закидывает арбузную корку к нам через заборчик и торжествующе воплит на всю улицу:

- Ну и на-ар-р-бузился я!!!

3. Первый день (продолжение)

Ну у меня, оказывается, папа и врун!

Никаких верблюдов тут нет. А просто такое название. И в Злодейской, которую мы проезжали, тоже наверняка от роду ни одного злодея не водилось. Назвали так, и все.

"Верблюд"- это так называется станция. А где мы живем, и все дома, и институт, и Шаманский Садик и отделения- это все "Учебно-опытный зерносовхоз № 2" Но так его, конечно, не называют. Только в газете и на Первое Мая. А говорят просто "Верблюд". А мы- "верблюжане". А на станции дежурная кричит в трубку: "Але, але! Говорит дежурный верблюд!"

Вовка привел меня на станцию послушать, но к сожалению, она кричала совсем не это, а про какую-то мануфактуру, которую выбросили вчера в пасековый.

Станция здесь- просто маленький домик, и красный цветок на окне, и куры гуляют, как будто там кто-то живет.

вет внутри.

Рядом со станцией растут два высоченные деревы. Вовка мне сказал, что раньше когда-то, когда они только еще приехали сюда, в Верблюде была голая степь, и только эти два дерева и росли на станции. И дули такие ветры, что Вовка три раза... ("нет, даже четыре- летал по воздуху! ")

- Ты думаешь, я тебе вру? Вот честное слово... Теперь таких ветров не бывает. Потому что везде деревья. И роща, и Военведский Садик- там летчики живут- это за рощей... И Институтский Садик, и акация везде- это деревья такие- вот увидишь, у них цветы жутко вкусные, я один раз целый таз съел, только потом живот болел... И еще Шаманский Садик- мы сейчас пойдем туда, это за нашим домом. Там рядом больница. Мой отец хирургом работает... Мы, знаешь, когда сюда приехали? Здесь ничего не было! Одни палатки. Мы тоже в палатках жили. А потом вон в том доме- Первый называется. В нем те, у которых дети, жили. А остальные в палатках. И директор тоже в палатке. Он теперь вон в том коттедже живет. К нему потому что семья приехала. Ирка и Женька. Только я с Женькой не возусь- он из себя строит... А у нас свой дом. Тот- с башенкой, деревянный, видишь? Тут все дома цементные, или кирпич, или еще глиняные- на отделениях. А наш деревянный. Только мы туда сейчас не пойдем. А то мать заставит козье молоко пить. Оно очень полезное, вот увидишь, она и тебя заставит... Мы этот наш дом, знаешь откуда привезли? Из Иркутска. Это маминого деда дом. Мамин дед, знаешь кто? Декабрист. Вот не веришь? Честное-

Ленинское-Сталинское-Всех-Вождевское...

Из вовкиных бесконечных речей, и от всего вновь увиденного, и от солнца, и от мягкой доброй пыли- я чувствовала себя слегка обалдевшей. Я давно уже сняла ботинки. Мы тащили их вместе- я один ботинок, Вовка- другой. Я в жизни не ходила босиком. Это было наслаждение. Хотя иногда я пребольно накалывалась на острые кусочки угля, валяющиеся повсюду.

- Ну, пригай через канаву.- Сказал Вовка.- Нам сюда.

- А нас не погонят?- спросила я шепотом.

Шаманский садик меня потряс. Это был не садик, а садище! В нем было тихо-тихо. Только гудели пчелы, да изредка шмякались в траву огромные иссине-черные сливы. Каждое дерево в саду было выкрашено внизу в белую краску и от этого казалось, будто это не деревья, а кудрявые девочки в белых носочках...

Вовка нагнулся и подал мне из травы целую кучу слив-штук шесть. Он сказал мне, что из травы можно- Шаманский не заругает.

Сливы брызгали соком. Они пахли деревьями, летом, они пахли всем этим удивительным днем. Те, которые мне доводилось есть раньше, вообще ровно ничем не пахли, разве что оберточной бумагой и кипятком, в котором их обваривала тетя Юна.

Мы ели сливы, а Вовка рассказывал мне, что весь этот сад- "Это не все, он еще и туда дальше, там еще розы и земляника, только она уже кончилась, а в июне ее пропасть!"

Во всех ларьках, и из Ростова даже за ней приезжают..." И рощу и Военведовский Садик и все-все, и акации и клены - все это насадил Дед Шаманский...

- Сам? Один! - спросила я с недоумением. Я уже начинала подозревать, что Вовка этот тоже врун не хуже моего папы...

Сначала Вовка начал было уверять, что да- сам. Но потом устыдился и сказал, что деревья, правда, сажали все, и что в саду этом летом работают школьники и студенты из института, где будет работать мой папа. Но что главный тут все равно- Дед Шаманский.

От съеденных слив и от гудения пчел я все больше проникалась почтением к всемогущему деду, во владениях которого мы проводили. В общем-то я скорее была довольна, что Великий и Могучий Шаманский Дед нам не показывается. Только мне было удивительно, что такой распрекрасный сад стоит открытый- заходи, кто хочешь. Пришла какая-то девушка с ведром и кисточкой, подмазала дерево и ушла. На нас она даже ни разу не взглянула, хотя у нас явно было за каждой щекой по сливке...

Мы лежали в траве и болтали ногами, и мне никуда не хотелось идти отсюда. Но Вовка сказал, что я еще не видела института, и что он знает у него сзади одну угольную кучу, на которую если залезть, то можно потом оттуда забраться на балкончик.

Институт стоял прямо посередине Верблюда. Он был весь белый, громадный и похожий... Я даже не поняла, на что, только не на дом. Может быть на корабль или на за-

мок. Но Вовка сказал, что на трактор. Так он задуман, потому что институт этот, и клуб, и школу, и НИМИС, и ресторан, и нашу улицу Специалистов- строили ученики Карбузье. Но когда я спросила Вову, что это за "Арбузье" такое, он назвал меня дурой и сказал, что это не "что", а американские спецы, и что мой папа у них переводчиком. "Спецы"- это тоже мне было не очень ясно, но больше спрашивать я уже не решилась, что бы еще раз не получить "дуру".

В институте было пусто и гулко. Широченные лестницы шли винтом из этажа на этаж. Перила у них были гладкие и такие широкие, что можно было проехаться даже, сидя на корточках. Я, правда, все-таки держалась, а Вовка- без рук!

Везде были всякие переходы и галереи и залы и окна во всю стену. В одно окно было видно нашу улицу Специалистов, и вовкин дом с башенкой, и Шаманский Садик, а за ним кладбище и больницу, а еще дальше- поля и беленькие домики за ними- это уже были Отделения,- сказал Вовка. А в другом окне был "Центр"- клуб, и ресторан, и директорский коттедж и НИМИС. Что такое "НИМИС" Вовка, оказывается, не знал. А дальше была школа.

- Ты в какой класс пойдешь?- спросил Вовка.

Я сказала, что в первый.

- Вот еще, ты что, не грамотная, что ли?

Я ответила, что я грамотная, и что я уже прочитала Шекспира и "Гулливера", академическое издание (Вовка поглядел на меня с уважением. Правда, я благоразумно умол-

чала, каких трудов, слез и скандалов стоило тете Юне это мое обучение грамоте по академическому "Гулливеру", и как после этого я возненавидела его- Гулливера- на всю дальнейшую жизнь), но что все равно- мне восемь лет, и поэтому мне положено идти в первый класс.

Вовка сказал, что это пустяки, что б я записывалась сразу во второй, только не в "А", а в "Б", потому что в "А" всякие "директорские штучки" и вообще скучота...

Стало темнеть. Вовка подпрыгнул и включил выключатели. Загорелся свет, и по пустым институтским залам и даже за его громадными окнами протянулись наши две великанские тени чуть ли не через весь Верблюд.

И только тут, наконец, я с ужасом сообразила, что во-первых, понятия не имею о том, где находятся мои башмаки, а, главное, что утром я вылезла в окно, даже не спросившись у мамы, которая распаковывала в кухне кастрюли.

Директор

На следующее утро мы с папой прибивали маминого Беноццо Гоццоли на стенку- папа прибивал, а я держала гвоздики- и, вдруг дверь распахнулась, и в комнату безо всякого стука вкатился усатый дяденька с портфелем подмышкой. На дяденьке был грязный белый пиджак, из-под пиджака была видна какая-то сетка, а из-под сетки торчала дядькина шерсть.

Папа повернул к нему голову, вынул изо рта гвоздь и сказал вежливо:

— Добрый день, Валентин Павлович. Так не криво? Дай мне еще один гвоздь (это уже ко мне). И погнув еще два гвоздя, добавил:

— Очень у вас гвозди скверные, Валентин Павлович.

— Так-с...— сказал дядька.— Картинки вешаем...

Мама вошла в комнату, и я схватилась за нее. В комнате отчетливо запахло квартирными хозяйками...

— Познакомьтесь,— сказал папа,— Маргарита Викторовна,— моя жена.

— Очень приятно. Марголин.— Буркнул Валентин Павлович.

И, вдруг, бросил свой огромный портфель на пол и заорал плачущим голосом:

— Это все очень мило и трогательно! Но кто вам дал право занять эту квартиру?!

Папа поправил еще раз Гоццоли, слез со стула, снял руки и сказал удивленно:

— Как кто? Вы.

— Я?!

Вы же мне сказали: как только будет доделана первая подходящая площадь, вы меня в нее вселяете. Эта вполне подходящая. На большую я не претендую.

— Послушайте, Гогдон...— Дядька внезапно успокоился и поднял портфель с полу.— Демагогию вы мне не разводите. Я сам демагог. И я вас выселяю. Так что картинки— это вы рано вешаете. Не на улицу, конечно, но выселяю. В Десятый дом.

- Десятый дом,- металлическим голосом сказал мой папа,- меня не устраивает. Я - переводчик. Ко мне приходят иностранные специалисты, а с вашего Десятого каждый месяц крыша по всему совхозу летает.

- А это меня не волнует,- сказал безжалостный Валентин Павлович.- Сами они эту дугацкую кгышу спроектировали, вот пусть и любуются. Не кгыша, а ковег-самолет какой-то. Карбюзье...- сказал он с презрением.- И как будто вашего Левку Скейларда можно чем-то здесь у нас удивить! Вместе в очегеди за кипятком и в убогную стояли...

Дяденька снова забегал по комнате и закричал:

- И вам известно, кому я обещал эту квагтигу?

- Мне известно,- невозмутимо отвечал мой папа,- что два месяца назад вы ее обещали мне.

- Два месяца назад мне еще не писали эту... этого... Что, я его к себе в директорский поселю? Благодарю покорно. А остальной фонд у меня весь.

- А если в одноквартирный?- После раздумья спросил мой папа. (Он явно начинал сочувствовать Валентину Павловичу).

- Кого?! Хмыря этого?- Валентин Павлович даже задохнулся от возмущения.- Жигно будет. Нет уж. Одноквагтигный- это я стгою для Михайлова.

- А почему бы,- сказал папа,- Михайлова вам не поселить к себе в директорский? У вас же там вторая квартира свободна.

Папа и Валентин Павлович теперь сидели на диване и курили. Похоже было на то, что сию минуту нас выселять не будут. Но тут Валентин Павлович опять рассердился.

- Послушай, Гогдон! Кто директор совхоза - ты или я? Вот беги мой погтфель и садись в мое кресло - будешь меня учить... Профессор Михайлов - это международный класс! То, что он к нам приехал, это, вообще, Бога надо благодатить...

- Ну не Бога,- сказал папа, а...

- Ладно, помалкивай.- Сказал директор.- Все вы тут у меня... Но меня это не интересует. Мне совхоз строить. И мне Михайлов нужен. А у меня кгыша течет. И иркины кролики по всему участку.

Папа засмеялся.

- Вот уж сапожник без сапог. Почините крышу.

- А почему у вас кролики?- спросила я.

Я совсем перестала его бояться.

- Иркины.- Объяснил директор.- На биолога собирается. И Женьку целый день на скрипке маштрут. Тут не то что Михайлов - сам сбежишь.

Директор вздохнул.

- Дай попить.- Сказал он мне совсем кротко.- У вас вода есть?

- У нас только сырая,- ответила я.- Она вредная.

- Ничего. Дай вгедной...

Я налила на кухне воды в чашку и принесла директору. Он выпил и, вдруг, застонал, схватившись за голову.
(Ну, пожалуйста! Я ж знаю, что сырую воду пить вредно...)

- Боже мой!-звыл директор.- И водопровод! Единств-

венный на всю улицу водопровод провели для этого типа...

И ванна в проекте... - Подсказал папа.

- Ванну подождешь. - Твердо сказал директор.

И мы с мамой подмигнули друг другу. Становилось ясно, что мы никуда не уедем отсюда.

- Я поставлю чайник. - Сказала мама. - Витя, пойди распакуй чашки.

5.

"... Нужно соблюдать обряды.
— А что такие обряды? —
спросил Маленький принц."

— Ось ветры, скаженные, летают, як собаки! — в отчаяньи вопит соседка, гоняясь за простынями.

Над клубом носится двухметровая афиша с Любовь Орловой.

Снежные вихри рвут у меня из рук портфель. Я стою на одной ноге в ожидании, чтобы кто-нибудь добрый выволок мой бот из грязи.

А возле кустов, с подветренной стороны Институтского Садика, там где днем уже коснулись земли отметины солнца, прекалываются подснежники с лепестками в синюю бархатную полоску, нежными, как иликина ладонь, и с белым, хрустящим на зубах корешком. Сесть корешок надо, чтобы ощутить вкус не наступившей еще весны.

Но вот "скаженные" ветры стихают. Грязь перестает упорно охотиться за моим ботом, в поле застремочут трактора и высыпят фиалки. А следом за ними, к середине апреля (к пятнадцатому) — первые стрелы ирисов...

И вот оно, наконец. Двадцать четвертое июня — Ивана Купала, — День Маминой и Папиной Свадьбы!

Шикая друг на друга, на цыпочках (чтобы не разбудить притворяющуюся спящей маму) мы с папой прокрадываемся на террасу, хватаем эмалерованное ведро и мимо воркниго дома бежим к Шаманскому Садику. Солнце еще ласковое — не ждет. Пыль прохладная. Издали нам слышен гомон, ошарашка.

левших от привалившего им счастья, воробьев.

Дед Шаманский, маленький, церемонный, в пенсне, как у писателя Чехова, и узеньком лоснящемся своем пиджаке,- царственно здоровается с нами у входа и ведет в сад "брать черешню". Папа с практиканками Верой и Клавой берут черешню, а мне Дед вручает ножницы, и мы идем к розам.

Издали побрякивает наше ведро, по-садовому приглушенно звучат голоса папы и практиканток (папа шутит, а практиканки благодарно хихикают), а у нас с Дедом научные неторопливые разговоры:

- А шиповник, он розам- кто?

- М-мм... Двоюродный брат, пожалуй. Или племянник. Точно еще наукой не установлено.

- Но почему они такие... невозможнo красивые?

- А мы с Клавочкой,- очень серьезно объясняет мне Дед,- каждый вечер их завиваем.

- Как... завиваете?- балдею я на минуту.

- Щипчиками.- Невозмутимо отвечает мне Дед.- Вот этот *бутик* бутон мы срежем. Как по-твоему?

Тяжелые прохладные розы ложатся мне в руки; я осторожно, чтобы не потревожить их, и чтобы не заметил Дед, касаюсь их носом, щекой... И внезапно- коротко, как укол, входит в меня сознание неповторимости этого утра и звуков притихшего сада и роз. Это появляется и исчезает, Я ведь еще не знаю, что пройдет меньше года, и сад этот исчезнет, как приснившийся мне, а самая мысль о маленьком старике, с гудящими над его головой пчелами,

будет вызывать в наших вывернутых наизнанку мозгах тоскливую сумятицу и недоумение...

... Черное звездное небо над краем нашей террасы, и глупые бабочки, крутящиеся над маминими волосами, и недопитая бутылка канора, и черешни в глиняной миске, и девять роз в литровой стеклянной банке посередине стола-качаются передо мной, освещенные лампой-молния. Я сижу в гамаке, чуть в стороне от праздничного стола.

И я люблю всех. Я люблю вовиного отца доктора Веденникова, сердито глядящего на единственную нашу бутылку кагора. И седую вовину маму- внучку декабриста. И вовину сестру Валерию- нашу старшую вожатую. И валериного жениха, рыжего, как морковка, папиного студента Васю, сидящего на перилах террасы. И нашего соседа агронома Дьяченко, который орет, как ненормальный, в самое ухо американского спеца Скейларда и хлопает его по колену и сам хохочет. А Скейлард заслоняется дымом от своей трубы и терпеливо делает вид, что ему смешно...

- Ой,- говорит вовина мама,- А Витюша спит.

Но я не сплю. Я лежу в гамаке и не могу и не хочу шевельнуть ни рукой, ни головой... И сквозь надвигающийся сон слышу, как падают на пол мои сандалии, мама вытирает мне влажным полотенцем ноги, Вася берет меня на руки и несет в дом. И я сплю.

6.

СБОР

У нас в классе идет сбор на тему "Об интернационализме". Сначала мы разучиваем и играем в лицах книжку "Не забудь о братьях", и я играю третьего братца ("Третий братец складный- светлошоколадный"). По-настоящему играть его должна Саша Грищенко, потому что она и в самом деле шоколадная, почти как Маугли. Но у Саши болит зуб, и я играю вместо нее. Это мы готовим спектакль в пользу испанских детей. Наша вожатая Ирочка Марголина- очень терпеливая и если что-нибудь не получается, она с нами повторяет сто раз.

Ирочка очень красивая. Волосы у нее темные, волнистые, а глаза синие с длинными ресницами. И одевается она красиво: на ней всегда синее вельветовое платье с белым воротничком и красный галстук. И туфли тоже синие.

Ирочка нас любит, наверное, не меньше, чем своих кроликов. И без конца возится с нами и помогает, если кто заболеет или отстал. У нее брат учится не в нашем классе, а в "А". Но все равно она всегда переживает за нас, когда у нас проверяют соревнование. И говорит, что наша Саша и мы с Вовкой (если бы мы захотели, конечно), могли бы учиться ничуть не хуже ее Женьки. Хоть он и круглый отличник и на скрипке играет. Но все равно он- "гогочка", а мы разносторонние, и участвуем в общественной жизни...

Чего-чего Ира нам не читала! И "РВС" и "Военную тайну" и книжку "Пионеры-герои".... А сейчас мы даже готовим спектакль и Ира учит нас по системе Станиславского.

У меня получается очень хорошо, и тогда решают, что Саша будет играть маму третьего братика, а я- братика. Хотя мне только и делов, что лежать и спать. Но Ира говорит, что надо, чтобы было видно, что братик не спит, а "думает о братьях". А в конце мы все четыре брата-Вовка(белый братик- русский) и все мы остальные (выкрашенные- желтый, коричневый и черный) будем стоять, взявшись за руки, и говорить про испанских детей. Это уже Ира придумала сама- не стихи, а просто так. Война в Испании еще недавно только началась, стихов про это мы не нашли. Но все равно Ира придумала очень хорошие слова, так что получилось прекрасно.

И, вот, тут, вдруг, наш второгодник Смирнов встал, собрал портфель и пошел к двери. Ира спросила строго:

- Смирнов, тебе не интересно?

- А чего тут интересного?- ухмыльнулся Смирнов.

Смирнов у нас самый большой в классе. Он, наверное, каждый год по два года сидит. И он по-моему даже старше Ирочки. И ему у нас все скучно. И вот что удивительно: Смирнов никогда ни с кем не дерется, даже меня за косы не дергает, хотя у меня такие косы- толстые, короткие, в разные стороны- как у "Умной Маши", в журнале "Чиж". И меня все дергают. Даже Ирочка один раз чуть не дернула, а потом сделала вид, будто хотела поправить бант. И только покраснела очень. А Смирнов никогда не дергал. И все равно мы его все боимся ужасно и даже стороной обходим. Мне кажется, что от Смирнова даже пахнет злодеем. Конечно, я не знаю, как должны пахнуть злодеи. Но, наверное,

так, как он. Наверное, и Симон Легри так пахнет и Яго...

Смирнов посмотрел на Ирочку белесыми глазами, ухмыльнулся и сказал сонным голосом:

- Мне интересно, если ты про что другое почитаешь...

- Про что? - не поняла Ира.

- Ну про что другое. И не в классе, а...

- А где?

- Ну где тебе нравится. В роще можно. Или в Шаманский Садик, если к вечеру...

И опять ухмыльнулся. И поглядел на Иру.

Мы все молчали. Мы никак не могли понять, что Смирнов сказал такого плохого, но почему-то всем было ясно, что сказал он мерзость.

Ирочка начала ужасно краснеть, а потом сказала не громко:

- Хулиган...

Вовка Веденников вскочил и заорал:

- Пошел вон! Дурак!

Смирнов смазал маленького Вовку ладонью по лицу, засмеялся и ушел, хлопнув дверью. А Ира села за стол и заплакала. Мы все повскакали со своих мест и стали ее утешать.

- Что ты на него обращаешь внимание? Он - фашист. - Сказала Саша. Ира вытерла глаза и сказала:

- Никакой он не фашист, а просто дурак. Он советский школьник и пионер. И не надо про него так говорить.

И стала читать нам дальше.

Смирнов у нас и вправду пионер. Мы все октябрьта, а он пионер, потому что в третьем классе он учится уже второй год. Но все равно я поняла, что Саша права: что он самый настоящий фашист. И если бы жил в Испании, то тоже расстреливал бы детей и сбрасывал бы бомбы. И даже с большим удовольствием...

Я сидела и думала: это даже удивительно, до чего мне повезло!.. Ведь сколько на свете стран, и везде или фашисты или капиталисты, и негров вешают и угнетают, а я родилась тут. А я родилась тут, и никакой Смирнов никому ничего не сделает. Ну разве что по лицу смажет, так это даже и не больно...»

7.

Дом с башенкой

В вовином доме в полу такие щели, что в них очень даже удобно выливать все козье молоко, которым нас поит вовина мама.

Дом у них очень странный. Каждая комната в доме-то выше, то ниже другой, и везде ступеньки и лестницы, и никак невозможно понять, сколько в этом доме комнат. И в комнатах ничего нет. В одной комнате стоит деревянный топчан, в другой- раскладушка, а в третьей просто лежит на полу кошма, и на ней кто-нибудь спит. Или стоит стол с табуреткой. И на стенах ничего не висит.

Но зато иногда, вдруг идешь, и на какой-нибудь лесенке споткнешься обо что-нибудь такое замечательное, какого у нас сроду никогда не будет- на медную пушечку, например, которая стреляет по-настоящему. Только нам с Вовой это не разрешают. Но один раз она стрельнула- я сама слышала. Это когда приезжал вовин старший брат Дмитрий. Или самоварчик. Он для кукол, но его можно теплить и кипятить чай- целых поллитра. И мы с Вовой его топили таблетками карболена. А потом вовина мама разглядела, как он мне нравится, и вязла и подарила мне. И даже безо всякого день-рожденья. Я вот бы его никому бы ни в жизнь не подарила!..

У них в доме никаких почти книг нет. Ну чуть-чуть у Натальи Дмитриевны на полке. И вовинны учебники. И вдруг, на тебе!- на чердаке: там, где башенка- целая куча книг. И "Вокруг Светы" и "Человеком Амфибия" и с

"Головой профессора Доуэля" и даже "Хижина дяди Тома", про которую мне мои родители говорили, что ее больше вообще в природе не существует. И мы сидели на этом чердаке целый месяц и, не вылезая, читали, хотя вовин папа и говорил, чтобы мы не мусорили себе мозги всякой сентиментальщиной, а, что "Человек-Амфибия" - это вообще Брэд Сивой Кобылы.

Но Вова мне сказал, чтобы я не обращала на его папу внимания. Это он так - для воспитательности.

Вова у них самый младший в семье. Сестер и братьев у него целая куча. Они все уже взрослые, и я даже не пойму, где они живут - в Верблюде или еще где. Иногда как-нибудь дядечка или тетенька, я думаю, что просто так, а они, оказывается, вовкины брат и сестра. В клубе киномеханик оказался вовин брат Саша. А библиотекарша - сестра Мариша. И то они уезжают, то приезжают. Сдачут экзамены и приедут.

Окончила Ростовский пединститут и приехала в Верблюд старшая вовина сестра Валерия. И теперь она работает у нас в школе Старшей вожатой. Папин студент Вася Силантьев влюбился в нее и они ходят по всему Верблюд за ручку, а мы с Вовкой их дразним: "Жених и невеста! Тили-тили тесто!.." Валерия обижается и говорит, что мы подрываем ее авторитет. И что она пожалуется маме...

Но вовины папа и мама целый день в больнице, и дома у них делай, что хочешь. И мы с Вовой играем во все, что читали в книжках - в Жюль Верна, и в "Хижине дяди Тома", и в "Вокруг Светах". А потом началась Испанская Война,

мы в ихней башенке устроили Наблюдательный Пункт Республи-
канской Армии, и я была разведчик (меня звали Хуанита),
а Вовка был командир республиканцев- дон Риего. У нас
был целый отряд, и мы кидали гранаты и бомбы в танковые
колонны Армии генерала Франко. Танковые колонны- это бы-
ли коровы, которые шли мимо вовкиного дома (один раз
мне здорово от них досталось, так, что я лежала потом
целую неделю, и вовин отец накладывал мне швы). Но зато
бомбы и гранаты у нас были замечательные. Гранаты были-
пустые кукурузные початки, а бомбы- тыквы. Они у Веде-
никовых лежали на чердаке чуть ли не целый год, и вы-
сохли, и взрывались, как настоящие.

8.

Ирландская застольная.

На тарелке, окруженная розами из лука и свеклы, лежит котлета. На котлете сверху приложен перец. Перец полыхает огнем— внутри перца воткнута свечка. Называется это "Комиссарское жаркое". "Комиссарское жаркое"— фирменное блюдо Василия Карповича, верблюдского шеф-повара.

Василий Карпович стоит возле нашего столика с блюдом в руках и произносит речь:

— Дорогой наш товарищ Скейлард! Лев Робертович! Я хочу, то есть мы все хотим (свади Василия Карповича стоят официантки Валя и Зина), чтобы вы сейчас поглядели на это жаркое, и чтобы вы почаще вспоминали в своей Америке про наш ресторан, который вы строили, и как мы вас тут кормили, и, вообще, все...

Василий Карпович не договаривает, машет рукой и ставит блюдо на стол. Скейлард сгребает шеф-повара в охапку, и они целуются. Затем Скейлард целует Валю и Зину. Василий Карпович говорит:

— Зина, принеси товарищам нормальные антрекоты.

И уходит к себе.

А мы едим нормальные антрекоты и винегрет и любуемся на "Комиссарское Жаркое", и пьем. Взрослые пьют коньяк, а я— сироп. И нам хорошо...

Но тут мимо нашего столика по ковровой дорожке проходит какой-то, мне еще незнакомый, дядечка во френче и брюках. В руках у него судок и бидончик.

На обратном пути с раздачи, пройдя мимо нашего столика, дядечка вежливо улыбается и чуть кланяется в нашу сторону.

Все молчат и ждут, когда он пройдет.

- Ну, вот... - невесело усмехается Директор, - Пошел Хмырь. Повеселились...

- Что-нибудь ньне так? - спрашивает Скейлард.

- Все так, - отвечает Директор.

Скейлард оглядывает наши лица.

- Мнъе, наверное, ньне следовало, - говорит он негромко, - устраивать это... Но я так хотел...

- К черту, Лева. Не морочь себе голову. Не то, так это. Ладно. Ну, за дружбу народов.

Все чокнулись и выпили. Директор встал.

- Ну, я пошел. Дела... Счастливо, Лева, не забывай. И ушел.

"... Как он может уйти... так? - думаю я, - Ведь Лева уезжает... Навсегда..."

У меня даже дух захватывает, когда я представляю себе реально, ЧТО означает это слово. Как это может на-всегда уехать Лева, который еще неделю назад орал на мою маму за то, что она не позволила им с папой в два часа ночи начинать новую партию в шахматы. "Женщины никогда ничего не понимают в шахматы!" - кричал Лева. Мама хохотала, а папа шикнул на них и говорил, что они разбудят Витьку...

- "Уже разбудили!" - кричала я из соседней комнаты,

И все смеялись.

"Вы кричите на меня, Лева, словно я уже ваша тетка" - смеялась мама.

"На твёточ я не кричу, - отвечал Лева, - Я их боюсь."

Лева ужасно длинный. Нина-Большой и тот, наверное, ему по плечо. Один раз Лева повел нас в кино, и на журнале на него сзади начали шипеть (наверное, там сидел кто-нибудь не верблюдский): "Гражданин, сядьте! Гражданин, сядьте..." На него цыкнули: "Тихо ты! Это Скейлард.." Но тот не понял и продолжал шипеть. Тогда Лева встал и сказал: "Всё так я стою. А вот так я сижу..." И гражданин замолчал, пристыженный.

Это был ужасный фильм! Лео уверял меня, что мне будет "невероятно смешно". И действительно, кругом все смеялись. А на меня с самого того момента, как машина начала кормить Чарли, напал страх, и я продолжала весь фильм. А когда Чарли стал кататься на роликах, я вообще, подумала, что все кругом посходили с ума, если не видят, что все это страшно, и продолжают смеяться. И самое жуткое было то, что и мои мама и папа, и Скейлард смеялись тоже. Я начала реветь уже не на шутку, и мама, увидев, что со мной делается, шепнула мне: "Может быть, уйдем?.."

Я замотала головой. Как я могла уйти, так и не зная, что будет с Чарли и с большой девочкой и ее младшими братьями?! Скейлард в темноте обнял меня своей огромной ручищей и тихо шепнул:

"Я смеюсь, Вики, потому что Чарли не погибнет никогда. Мы умрем, а он будет жить. Серьезно..."

И тогда я вытерла слезы и улыбнулась тоже, даже стала иногда подхахатывать...

- Я никогда нигде так не скучаял, как я буду скучать по здесь,- печально говорит Лева, глядя на дяди-васин перец.- И по этой жаркое. И по картины...

На стенах ресторана висят два огромные полотна: "Крепостная актриса в опале, кормящая грудью щенят" и "Расстрел двадцати шести бакинских комиссаров". Картины эти копировал верблюжий художник Миша Куценко. Он приходил к нам в гости и говорил с мамой "за искусство". И мама терпела его, потому что он был горбатый.

- Это великие картины,- говорит Лева.- От них большой аппетит...

- У нас останутся ваши дома, Лео.- Говорит мама.- И мы будем вас вспоминать.

- Особенно в октябрь, когда полетит крыша с десятого дома...

Мы смеемся. Десятый дом строил помощник Лео, который уехал позавчера. Лео говорит, что Вильямс, пока жил у нас, все время страдал: все, что у нас продавалось, ему было "не к чьему", а все, что ему было "к чьему"- у нас не продавалось.

- Но институт получился замечательный,-говорит мама. Когда мой Лева (мама имеет в виду папу) о нем рассказывал по дороге сюда, я боялась, что будет нечто ужасное. Конструктивизм я терпеть не могла...

- Вы, Мэгги, говорите чьюш!- немедленно обижается Скейлард.- Откуда вы знаете конструктивизм! По дур-

ной фотографии. Конструктивизм- это объем, взлет!..

- Меня пугала затея делать в виде трактора...- робко извиняется мама.

- И ничуть и не похоже на трактор!- горячо возражают я.- Он на пароход похож!

- Да,- сказала мама.- Пожалуй.

- Черт! Мне так сейчас хорошо...- сердито сказал Лес.- Есть такой один хороший фильм... Он длинный, но это неважно. Кончается он так: молодые люди любят друг друга, они бедные... Потом им попадает миллион. Они женятся и едут в Америка. Он- художник, она- музыкант. Они будут учиться... Родные их провожают. Они машут рукой. Все очень хорошо. Пароход отходит от берег. И видна надпись: "Титаник"...

- Ну и что?- спросила я.

- Мне не везет,- продолжал Скейлард.- Сначала я строил в Испании. Теперь тут...

- Но здесь же не бомбят,- говорю я.

- Ладно,- говорит папа.- Ничего не поделаешь. Выпьем еще, тезка.

9.

Новые
тетрадки.

Пере^д самым Новым Годом Вера Антоновна вошла в класс и сказала:

- Дети, я принесла сегодня новые тетради. По арифметике и письму. Мы в них будем писать со второго полугодия. А сейчас я вам их раздам. Кто у нас сегодня дежурный? Аврора? Раздай тетради, Аврора.

Аврора стала раздавать тетради, и по классу пошел стон- таких красивых тетрадей мы не видели никогда в жизни!

Чего-чего только в них ~~не было~~! На тетрадках по арифметике был нарисован Вещий Олег с дружиной, и конь, и кудесник. А на тетрадях по письму- кот, и дуб, и Пушкин, и неведомые звери вокруг. А сзади, там, где всегда бывает таблица умножения и правила поведения учащихся, были вместо этого стихи про Олега и Лукоморье... Даже прикасаться было страшно к этим тетрадям, а не то что писать! Мы сидели и смотрели на них и гладили их рукой, и поверить себе не могли, что нам вдруг привалило такое счастье...

- Вы знаете, дети,- сказала нам Вера Антоновна,- что в феврале будущего года мы будем отмечать столетие с того дня, как был убит русский поэт Александр Сергеевич Пушкин...

- А кто его убил?- спросил Миша Ключай.- Враги народа?

- Дурак,- сказала Саша Грищенко.- Тогда не было еще врагов народа.

- Нет, дети,- очень серьезно сказала Вера Антоновна,- враги народа тогда как раз были. Врагами народа было царское правительство и помещичий класс. И это они направили руку убийцы...

... Ну не знаю, какие-那样的 были Враги народа сто лет назад, но только сейчас я бы их прямо убила! Это надо же придумать такое безобразие!..

После Нового Года я простудилась и пробыла почти все каникулы и еще неделю потом. И я сидела дома и мечтала, как я приду в класс и начну писать в новых тетрадях. Все ребята уже писали, а у меня они еще лежали нетронутые, завернутые в калечку, и еще мы с Сашей сделали в них закладки с переводными картинками. И я их доставала и любовалась на них...

И, вот, я пришла в школу, и, вдруг, вижу такое, что я решила, будто я, наверное, сошла с ума. Или что это Вера Антоновна сошла с ума, потому что она сидела у себя за столом и- тетрадка за тетрадкой- срывала с них обложки. А рядом с ней сидел наш актив и тоже помогал ей рвать обложки с тетрадей. Рядом с ними на полу валялась уже целая груда, а Зина Витовтова и Аврора собирали их и совали в мусорную корзину...

Вера Антоновна молча рвала их. Она сидела, опустив голову, и была такая красная, как Комиссарское Жаркое... И я окончательно решила, что она заболела. Но тут наш актив заметил меня, наконец, и Галя Лихацкая закричала:

- А ты свои уже сорвала?! Рви скорей!

- Вы что, сбесились?.. - спросила я, потрясенная.

- Давай скорей свои тетрадки! - закричала Галя.

- Не дам...

Галя сожурилась и спросила меня:

- Ты что ли за троцкистов, да?

- Причем здесь троцкисты? - спросила я обалдела.

Вера Антоновна сказала спокойно:

- Вика, дай свои тетради.

И тогда я заплакала. Саша Грищенко сказала:

- Она же болела. Она же ничего не знает.

И весь класс принялся мне объяснять, что, оказывается, наши прекрасные обложки сделали Враги народа с Троцкистами. И они так хитро их нарисовали, что кажется сначала, будто это простая обложка, а на самом деле там написано, знаешь что?! "Да здравствует Троцкий!" И, главное, они так здорово это запрятали, что сто лет смотреть и все равно не догадаешься, что там такое написано... И только одна девочка в одном городе догадалась и всем показала. Теперь эти обложки по всему Советскому Союзу рвут, и мы тоже рвем, а девочке той в кремле дадут орден!

И они принялись показывать мне, как хитро спрятана эта самая надпись, и я сказала, что- да, вижу... Хотя на самом деле, если говорить честно, то я ни черта не видела... Я только поняла, что стремя Вещего Олега на самом деле было не просто стремя, а буква "Д" (наверное, от слова "да здравствует") ...

И я подумала после этого, что вот до сих пор я так и не могла понять, чем эти самые Троцкисты и Враги народа занимаются, и почему с ними нужно бороться, но теперь, конечно, я и сама вижу, какие эти жуткие сволочи. Я ж говорю - я б их прямо убила...

10.

Мамина подруга Нюта

Из Ростова позвонили, что к нам в Верблюд выехала Испанская делегация из города Барселона.

Директор вызвал моего папу и велел, чтобы на всякий случай он приготовился, если надо будет переводить. Папа поморщился и сказал, что испанский он знает поскольку-постольку. Но директор ответил, что "постольку-поскольку" это тоже дай бог...

А нашему классу велели, что б мы готовили свой спектакль "Не забудь о братьях"- показывать им его испанцам.

Но оказалось, что переводчик у испанцев есть свой. Поэтому мама и папа просто пошли в зрительный зал и сели на самый верх, откуда у нас в институтском актовом зале все очень хорошо видно. Я села с ними, потому что мы должны были выступать только после торжественной части.

Сцена у нас в институте маленькая, но очень красивая- выкрашенная масляной краской под мрамор. А сейчас там еще повесили флаги- наш и испанский и поставили стол с красной скатертью и стулья. И на сцену выкатилось сразу столько начальства, что непонятно стало, куда же сядут испанцы.

Потом встал Директор- торжественный, в синем костюме с галстуком, бритый- и предложил всем пожлопать и приветствовать испанских товарищей. И мы пожлопали и приветствовали. И на сцену вышли испанцы. И их разместили все-таки (только Хмырю-с-бидончиком пришлось сесть обоку).

Я стала разглядывать испанцев и решила, что это какое-то надувательство, что испанцы не всамделишные. Потому что хотя одеты они совершенно не по-испански, а в украинские рубашки со шнурочками.

Но тут под барабанную дробь вышли все наши воображули из третьего "А"- и Женяка Марголин (брать Ирочки) и Инна Дьяченко- и преподнесли испанцам цветы, и Инна прокричала речь: "Мы- советская молодежь!" и т.д. И одели на испанцев красные галстуки. И тогда я поняла, что испанцы эти совершенно настоящие, просто рубашки на них тоже где-то уже надели, еще, наверное, до нас...

А потом испанцы стали тоже говорить речи, а ихняя переводчица стала переводить. И тут моя мама ахнула и схватила меня за руку.

- Боже мой! - сказала мама. - Это же Нюта!

Нюта- была маминой подругой еще со Старинской Гимназии ("Старинская Гимназия"- это так называлась школа, в которой училась моя мама)... И мама всегда говорила: "Вот когда мы с Нютой..." И всегда получалось, что они с Нютой были порядочные хулиганки.

Но в это время захлопали, и наша Ирочка стала делать мне знаки, чтобы я спускалась вниз- пора было идти мазаться в коричневую краску, потому что уже начинился перерыв. Мама спустилась со мной тоже. Когда мы подошли к самой сцене, то даже и я узнала Нюту, хотя она была уже совсем седая, а у мамы на фотографии они обе были еще почти девочки; они сидели на корточках и кормили из

рук голубей, а сзади них был столб, а на столбе— лев с крыльями, и обе они были веселые и нарядные— в белых платьях и с косами...

Но тут Ира взяла меня за руку и увела. Я только увидела, как Нюта смотрит на мою маму и медленно покрываеться красными пятнами. А мама смеется, и глаза ее так и светятся.

Потом мы играли и говорили, что нам положено, а испанцы хлопали и благодарили нас и смеялись, хотя я так думаю, что они не поняли ровно ничего, потому что Нюта ничего им почти не переводила. Она сидела, прямая и строгая, и вежливо улыбалась, и молчала.

Как только спектакль кончился, я убежала к папе и маме, но оказалось, что мама уже ушла. Я решила, что она пошла в Поселковый, купить вкусного к ужину. Но когда мы с папой вернулись домой, мама сидела на диване, обложенная тетрадками и переводила своих "Ученых женщин". А когда я спросила ее, позвала ли она Нюту, мама сказала, что это оказалась не Нюта, а совсем другая женщина, совершенно, очевидно, незнакомая.

— Она только издали похожа на Нюту. Скорее всего я обозналась. И дай мне немножко позаниматься...

— Но как же так...— начала я.

Но по маминому лицу я поняла, что лучше к ней в сию минуту не приставать.

11.

Очень страшная...

- Чушь какая-то... - говорит мой папа. - Землянику-то они зачем скосили? Дьяченко же все-таки агроном.

- Агроном... - повторяет вовкин отец. - В первую очередь он - чекист. А вдруг она отравленная?

... (И не понятно - серьезно он, или смеется...)

- Да вообще, что теперь толковать - и канаву вчера уже вырыли, и проволокой огородили... Колючей.

- Бред какой-то - говорит моя мама.

И они умолкают. Только ложечка звенит о стакан.

- Наталья моя считает, - снова говорит вовкин отец (и голос у него усталый-усталый)... - Наталья считает, раз мы соседи, знаем старика дольше других, стало быть обязаны вмешаться. Что Наверняка это ошибка, и надо, что б разобрались... Валерия, кстати, тоже твердит, что там разберутся. "Но вы, говорит, с матерью слишком доверчивы. Он явно не наш человек, и вся его деятельность вполне могла лить воду на мельницу врага..." Хотя все эти цветочки и весьма трогательны..." Вот так-с. Ну а вмешаться... Что проку? Я - хирург. Кому-то надо работать. Ведь эта дурища всех тут зарежет без меня, она флегмону вскрывает - сепсис делает... А потом, что я скажу? "Отпустите его, он хороший человек, я его знаю"... Так? А что я знаю? Ну а если Валька наша в какой-то мере права? Вот говорят - он скрытый баптист. А вы уверены, что это не так?.. Но только если этот человек - враг?..

(Вовкин отец теперь уже почти кричит).

— Михаил Игнатьевич, я вас очень прошу,— говорит мама.— Тише. Я не уверена, что Витя спит.

Мама входит в мою комнату. Но я уже успела залететь в постель и зажмуриться. Мама некоторое время стоит надо мной. Поправляет мне одеяло. Потом выходит.

... Что такое "Скрытый Баптист"?.. Может, это еще хуже Троцкиста? Или даже Шпиона?..

Резная тень акации кланяется мне с потолка. Мне слышно, как она скребется в стекло за окном... .

... Я знаю, что надо встать и впустить ее и куда-то спрятать, иначе Дьяченко обмотает ее проволокой, и она задохнется.

Но тут я вижу, как с черной ветки на потолке, медленно набухая, повисает густая мутная капля— прямо над моими глазами. Капля все увеличивается, я знаю, что еще немного, и она сорвется, и ничего уже нельзя будет исправить... Я пытаюсь крикнуть и позвать маму, но губы меня не слушаются; они, как запертые, и я понимаю, что я уже отравленная, и все-таки кричу, но у меня получается шепот: "Ма-ма..."

И мама входит. Она наклоняется надо мной и начинает подтыкать одеяло, и я пытаюсь сказать ей про ветку на потолке, что это не акация, а Анчар... Но знаю, что надо сделать незаметно, чтобы не услышал Шаманский... Но вместо этого я почему-то спрашиваю: "Мама, что такое Скрытый..."

Но я не договариваю, потому что мамине лицо вдруг
искажается - у нее оскаливаются зубы, и вырастает клык...
И страшная звериная пасть с ухмылкой глядит на меня.

12.

Зина Витовтова

Папа пришел с работы и рассказал смешную историю: в НИМИС привезли оборудование. Оборудование было тяжелое. Грузчики поплевывали на ладони и покрикивали:

"Так его- сюда! Ставь на попа!"

И тут грузчик по фамилии Витовтов испугался и закричал: "Да вы что, с ума сошли?! Я же упаду!.."

Потому что оказалось, что раньше когда-то он и вправду был поп, и понял так, будто оборудование хотят поставить ему на спину.

Этот грузчик Витовтов был отец девочки из нашего класса- Зины Витовтовой. Поэтому на следующий день я пришла в школу и сдуру всем рассказала эту историю. Всем стало смешно. С Зинкой и без того вечно был цирк: она шепелявила, а один раз в диктанте вместо "Ворона ккарнула", написала "Ворона какнула"...

После уроков мы окружили Зину и стали кричать ей: "Полова дочка! Господи Иисусе, ворона какнула! и т.д.

Зина попыталась от нас убежать, но возле Институтского Садика ее поймали, загнали в куст шиповника и продолжали скакать и визжать вокруг. А Зина стояла посередине куста, пыталась вырваться и просила нас перестать, но мы не переставали и орали еще шибче.

И вдруг зинино платье зацепилось, за колечки, сделано "кр-рак" и сверху донизу разорвалось. И стали видны зинины фланелевые штаны и худые ноги в порванных на колене чулках с круглыми резинками.

И, вот, только тогда ко мне, наконец, пришло отрезвление. И я увидела со стороны и этот куст, усыпанный розовым цветущим шиповником, с плачущей полуголой девочкой посередине, и нас— как бесноватых, скачущих и орущих вокруг... И я поняла, что мы ничуть не лучше Смирнова, который ведь даже и не скакал с нами, а только стоял неподалеку и посмеивался...

И я завизжала безо всякого перехода, как будто меня режут:

— Перестаньте! Перестаньте! Дураки! Зина, прыгай сюда!

И протянула к ней руки.

Странно, что Зина не раздумывала ни секунды. И тотчас же прыгнула мне навстречу. И мы стояли с ней рядом и ревели напропалую.

— Две поповы дочки! — крикнула нам Галия Лихацкая.

Галия больше всего любила, когда вокруг нее ссорятся. Но сейчас у нее ничего не вышло. Все стояли и молчали.

— Девочки... — сказала Саша Грищенко. — А ведь у Зинки это платье последнее...

Я никогда потом так и не могла рассказать эту историю маме. А Зина после этого случая бегала за нами с Сашей, как собачонка и притаскивала нам букеты, и мы не знали, куда нам от нее убежать.

Нет, эта Зинка и вправду была какая-то чокнутая, наивное, потому что она притаскивала нам букеты шиповника. Она вовсе не хотела нам напомнить ничего плохого, просто она была нам благодарна за то, что мы с Сашей зашли ей платье.

Беседа
о бдительности

Папе дали в институте на меня путевку в пионерский лагерь "Тачанка" в городе Туапсе.

Мама не хотела меня пускать, но когда я узнала, что у нас там будет форма с красной испанской шапочкой, я звонила. И приставала к маме целую неделю, и мама, наконец, согласилась.

И я поехала. Но в первый же вечер я так дико заскучала по дому, что наутро, еще даже до побудки, я стала писать домой про то, как здесь ужасно, и мало умывальников, и что мы моемся в ручье, и пьем (наверняка) не кипяченую воду. Я хотела испугать маму пошибче, чтобы она приехала и забрала меня отсюда.

Но пока я писала, началась линейка: я бросила недописанное письмо, а потом мы стали готовиться к открытию лагеря, и это оказалось так интересно, что про письмо я забыла.

На открытии мы разводили костер на склоне холма и пели песни, и я читала стихи "Про ученицу пятой школы по фамилии Шишкова". Стихи были очень веселые, и после открытия за мной все хвостом ходили и просили, чтоб я им их списала.

И вспомнила я о своем письме только через неделю, когда у нас была беседа с капитаном пограничного катера, и он стал нам рассказывать, как любое наше неосторожное лишнее слово или записку враг может использовать в своих шпионских целях. Особенно, если там есть что-либо по-

рочащее нашу Родину или какие-нибудь цифры. И, вот, тут я вспомнила о письме, и про то, что я там написала об умывальниках. И даже ведь цифры там были! Потому что я написала, что умывальников у нас четыре на шесть отрядов!

Сразу же после беседы я побежала в палату и стала перетряхивать свои тетрадки и книжку; я перерыла всю тумбочку и матрас, но письма не нашла. Дежурная по палате Оля Величко спросила меня, что я потеряла, и я решила, что она нашла мое письмо и отдала его вожатой, и теперь весь лагерь узнает про то, что я, оказывается "находка для врага".

Ночью я лежала и соображала, что может быть мое письмо нашли не на моей тумбочке, а на полу, и мне потому пока не говорят, что не знают, кто его написал. И я решила, что больше не буду писать ничего, и тогда они не узнают моего почерка. Но тут я вспомнила, как сама раз десять переписывала для всех эту несчастную "Ученцу пятой школы по фамилии Шишкова", так что теперь уже все пропало, и ничего не поделаешь... А кроме того, они же могут вызвать собаку из пограничной заставы и дать ей понюхать мое письмо, и тогда собака сразу приведет ко мне...

На следующий день наш отряд был дежурный, и вечером меня вызвали на линейку опускать флаг, потому что по задумчивости я больше всех начистила на кухне морковки. Но я решила, что это из-за письма, и ноги у меня, когда я шла к трибуне, были как макароны, и в животе бурчало так, что я думала, что всем будет слышно.

По-моему, у нас в отряде были очень хорошие девочки. Но после того, как я стала думать про это проклятое письмо, я уже ни с кем не хотела водиться, потому что все время представляла себе, как они все про меня узнают и будут клеймить меня позором и говорить, что я лила мельницу на врага...

И хуже всего было то, что, хотя верблюжан в лагере было всего трое, но один из них был брат нашей вожатой - Женяка Марголин из третьего "А". На открытии он играл на скрипке, и все говорили, что вот в этом Верблоде- какие, оказывается, способные ребята - и стихи читают, и на скрипке... И теперь я с ужасом думала о том, что же теперь будут говорить, когда узнают, и что скажет Ира. И я старалась к Марголину даже близко не подходить.

Так шло время, но ничего страшного не происходило, и я стала думать, что так сойдет. Но тут мне вдруг пришло в голову, что это значит только одно: что мое письмо подобрал шпион и использовал в своих шпионских целях. Мало того - ведь в любую минуту этот шпион мог предъявить мне его и сказать, что я теперь завербованная, и должна работать на фашистов. И я поняла, что мой долг пойти к старшему вожатому Косте или еще лучше к пограничникам, и все им по-честному рассказать. Но тут, вдруг, я подумала, что они подумают, что ведь это письмо я писала папе и маме, и хотя они тут совсем не причем, но ведь мама мне рассказала, что в виде исключения, в отдельных случаях может все-таки произойти ошибка. И когда я себе представила, что эта самая Ошибка-в-Виде-Исключе-

ния возьмет и произойдет с моими мамой и папой, меня чуть не стошило от страха...

И я поступила, как подлый трус, и решила лучше молчать, а если ко мне придет шпион, то я его заманю к морю и сброшу со скалы. Но только в глубине души я понимала, что со шпионом я вряд ли справлюсь, потому что у него и пистолет, и яд, и нож, и перчатки, и мое письмо в придачу. И от всех этих рассуждений мне было очень плохо.

Мне было плохо даже тогда, когда весь наш лагерь поехал на экскурсию в Сочи, и все было совершенно замечательно. Мы бродили среди всамделишных пальм и каких-то еще удивительных деревьев с большими гладкими листьями, из которых наши мальчишки понаделали себе шляп, и с белыми цветами - с тарелку каждый... Целый день мы ходили по Сочи и грызли кедровые орехи, и когда мы с большим мальчиком Юрий из первого отряда остановились у киоска попить газировки, а потом заблудились, то мы нашли дорогу как мальчик-с-пальчик - по скорлупе...

Вечером мы возвращались на пароходике, и пели песни, и здоровенное солнце с отъеденным боком катилось в море, на черно-зеленых холмах один за другим зажигались окна в домах-отдыхах, и на перегонки с нашим пароходом по берегу - так близко к воде, что в ней отражались его огоньки - бежал поезд, и белый дым бежал следом за паровозом, а из оконек машали нам, и мы им тоже, и большой Юра дал мне свою куртку, чтобы я не замерзла...

Но всю дорогу я думала только про то, что все вокруг

потому такие добрые и веселые, что им еще не сказали про меня правду, я понимала, что теперь уже ничего не изменишь, и все равно не теперь, так потом- они все узнают, и все хорошее кончится...»

14.

В директорской "эмке"
(митиоки)(Х)

После пионерского лагеря я перестала спать. Вовкин отец дал нам записку к знакомому невропатологу, и папа повез меня в Ростов.

Поезд у нас ходит в Ростов один раз в день, рано утром. Мы с папой немного закопались, и чтобы поспеть, вернули к станции, что есть духу, потому что издали слышно было, как поезд гудит уже возле симафора, а стоит он у нас на станции всего несколько минут.

И мы бы успели, но тут мимо нас по дороге проехала директорская эмка, на повороте она затормозила, директор высунулся и окликнул папу:

- Гогдон!

Мы остановились.

- Пгивет, Гогдон! - сказал директор. - Ты куда? В год? Садись в наши, подвезем.

Обычно директор ведет свою эмку сам. Но тут он был не один. Рядом с ним за рулем сидел Теняков - секретарь верблюжской парторганизации. Теняков слегка кивнул папе, но видно было, что ему совсем неохота подвозить нас в город. Но тут поезд уже подошел к станции и сразу же свистнул, что он уходит. Ясно стало, что нам уже к нему не поспеть. Теняков еще больше нахмурился и открыл заднюю дверку.

X) - Термин японской драмы. Означает проход, бегство, путешествие героев навстречу неминуемой гибели.

Садитесь. Только быстрее.

Мы сели. Теняков заклопнул дверку и сразу так дернулся с места, что я чуть не прикусила себе язык. Наверное, он действительно очень спешил. И пока мы не проехали все верблюжьи отделения и все наши поля, он так же все время мчался, как ненормальный.

Но тут мы проехали последнее- двенадцатое- отделение и элеватор, и директор тронул его за руку и сказал:

- Не спеши, Тимофей. Не на свадьбу.

И Теняков стал ехать потише.

А директор повернулся на своем сидении и стал через мою голову смотреть в заднее окошко. Я поглядела, туда же, куда и он. В заднее окошко был виден наш Верблюжий поле, и элеватор, и белые домики отделений... А сзади на синем небе уплывал институт.

Так и было видно в окошко три цвета- желтое, белое, синее. А если и было что-нибудь и еще, то этого видно не было.

- Чегт...- сказал директор.- Что ни говори, а здорово мы его отгохали.

Он похлопал себя по карманам, потом полез в нагрудный карман к Тенякову, достал оттуда беломор и закурил. И снова ~~желтых~~ стал глядеть. Потом он заметил, что я гляжу вместе с ним, усмехнулся и подмигнул мне.

- Что, победительница,- сказал он.- Нравится?

- Очень.

- То-то...

И, помолчав, спросил меня:

- Ну, как было в лагере? Хорошо отдохнула?

- Спасибо, - вежливо ответила я. - Хорошо.

Наверное, я сказала как-то не так, потому что директор поглядел на меня внимательно, а потом отвернулся и стал смотреть туда, куда полагается.

Я стала разглядывать в зеркальце Тенякова. Мне было видно, что Теняков недоволен тем, что мы с папой сидим с ними в машине. Он молча правил, и только желваки ходили у него под скулами.

Теняков был похож на Кирова. И одевался он точно так же, и когда говорил речи, то точно так же, как Киров на портретах, вскидывал руку. Только непокорная прядь не падала у него на лоб, потому что пряди у него не было - Теняков был лысый. Или бритый. Или лысый и бритый... Речи он всегда говорил хорошие и краткие, и слушать его было интересно.

Дочку его - Искру - я знала хорошо. Она училась во втором "А". Мы с ней иногда играли, но с ней было неинтересно, потому что ей, что ни соврёшь, она про все верит. Зато в старшего его сына - Кима - я даже была чуточку влюблена. То есть влюблена в него была вовина сестра Марина, а я с ней заодно тоже. Ким был курсантом летной школы, и к нам приезжал в форме. И он тоже был похож на Кирова. Или, вернее - не на Кирова, а на Сережу Кострикова, и очень нам нравился...

Директор снова обернулся к нам с папой.

- Годон, - сказал он. - Хочешь выпить? Там у тебя под ногами. Четыре звездочки.

Теняков чуть поглядел на него, но ничего не сказал.

- Ну-ну... - сказал директор. - Можешь не тащиться. Я вполне... А Годону почему, собственно, не выпить? Не поливать же догогу?

Но папа почему-то отказался. Директор не настаивал. Он закурил еще одну папиросу, дал папе, и вдруг спросил:

- Годон... А как в лагере, жить можно в конечном счете? Не в пионерском, конечно...

- Как видите, я жив - сказал папа.

И удивленно поглядел на директора.

Я тоже не поняла - про какой этот лагерь они говорят, если не пионерский?..

Что ж, - сказал директор. - Это оп-ти-мис-тично...

- Валя... - сказал Теняков.

И замолчал.

- Вы что-то имеете сказать, сэр? - спросил директор. И стало заметно, что он пьян.

Но Теняков больше ничего не сказал. Он сосредоточенно глядел на дорогу. И лицо у него было печальное и тихое. И больше оба они ничего не говорили и оба молчали. И мне в зеркальце были видны их лица, и казалось, что молча они о чем-то говорят друг другу. И было странно, что наш усатый директор для Тенякова был просто "Валя". И от этого я вдруг представила себе, что когда-то он тоже учился в третьем классе и, наверное, хулиганил, и учительница ему говорила: "Марголин! Выйди из класса!..". Вот про его сына Женьку я такого представить себе не могла - Женька, по-моему, так и родился с пятерками и со скрипкой... .

И так мы ехали и молчали, и постепенно мне почему-то делалось все неприятней и неприятней... Стало казаться, что все не просто молчат - было так, как будто с нами в машине сидит кто-то Пятый, при котором нельзя разговаривать. И только директор иногда хулиганил и разговаривал. Но теперь он проторезвел окончательно и тоже молчал...

Возле Нахичевани, там, где уже начинался трамвай, Теняков остановил эмку и сказал, все так же глядя перед собой:

- Вы сейчас тут выйдете.

При этом Пятом прощаться и говорить "спасибо", очевидно, тоже не полагалось. Но прежде, чем выйти, папа протянул Марголину руку и крепко пожал ее. Тот слабо, еле заметно улыбнулся, а потом сразу же отвернулся, как будто и этого делать было не положено тоже.

Мы не успели и выйти, как эмка рванула с места и укатила. А мы остались стоять на тротуарных плитах, между которыми росла трава.

А потом рядом зашипел и остановился трамвай, но мне пришлось два раза окликнуть папу, потому что тот стоял неподвижно и смотрел вслед эмке... И только когда кондукторша зазвенела у него под ухом, он, наконец, сел в трамвай, и мы поехали к невропатологу.

15.

Зной

Весь институт— и папа, и папины студенты, и другие преподаватели— все на уборке.

Но больше они гасят пожары. Горит хлеб. Это очень красиво. И очень страшно. Раскаленные суховеи секут в лицо угольной пылью с Донбаса. Уголь и сажа скрипят на зубах, забиваются в нос, в глаза... Дышать нечем. По Верблюду ползут разговоры:

"Вон они, когда себя оказали..."

"Чикаются с ними, взять бы за глотку..."

"Чего уж ждать, уж когда..."

(Дальше шепотом)...

"Да вы что?!"

"Ну я вам говорю... Выявили..."

"Мне очень неприятно, но я хотел попросить вас... это насчет Васи Силантьева. Вася славный парень... Я, разумеется, в нем уверен. Но все-таки скажите ему... Вам это удобнее, Лев Григорьевич. Не следует ему столько спорить с Валюшой. Вы понимаете, о чем я говорю. Валюша его любит... Но вы ведь знаете, какая она... бескомпромиссная..."

"Я, знаешь... (это говорит Вовка), изобрел бы такое стеклышико— приложил к человеку потихоньку— и, пожалуйста, сразу видать, шпион он, или троцкист, или советский. А так не разберешь ничего..."

Через неделю после того, как мы с папой ездили к нев-

ропатологу, от солнечного удара умер парторг совхоза Тимофей Сергеевич Теняков. Это был день, когда в тени было 39° , и за день вспыхнуло три пожара за раз — один на третьем и два на одиннадцатом отделениях; и вихрем горячего воздуха унесло в жерло васиного комбайна мою белую туловую бабочку, которую мы с папой купили в ростовском универмаге.

Вечером Теняков пришел с поля без фуражки и сказал, что фуражку он потерял. Он сказал, что у него болит голова, и велел Искре сбегать в Поселковый за папиросами. Но не успела Искра добежать до калитки, как в доме что-то грохнуло и упало, и Искра вернулась и увидела отца, лежавшего на полу, а рядом скатерть со всем, что на ней было, и опрокинутый чайник, и на полу лужу...

Белое солнце было в медные трубы оркестрантов. Смотреть на них было нельзя... Тот самый дядечка с бидончиком и судком, проходивший мимо нашего столика, когда мы провожали Скейларда, стоял на грузовике, прикрывая затылок газеткой, и говорил речь:

— Спи спокойно, дорогой товарищ! Нелепая смерть вырвала из наших рядов несгибаемого большевика и честного ленинца! Невозможно поверить...

Он говорил, а Теняков лежал в красном гробу возле его ног — строгий, с привинченным к груди орденом... А рядом на грузовике стояли, похожий на Сережу Кострикова, Ким, и маленькая глупая Искра, и заведующая библиотекой Нина Алексеевна — жена Тенякова. И у Искры было точно такое лицо, как тогда, когда мы пели ей:

"Обманули дурака!
На четыре кулака!
А на пятый стуло..."

А я стояла в салюте со всем классом, смотрела на них, и перед глазами у меня было одно: как неподвижными спокойными глазами Теняков провожает мою злосчастную бабочку, проглоченную комбайном, а потом медленно снимает с головы белую свою фуражку, расправляет ее аккуратно, и, оглядевшись по сторонам, засовывает в жерло комбайна,

16.

Казнь

Наша вожатая Ирочка Марголина оказалась герой! Оказалось, что она помогла Органам разоблачить подлинное лицо своего отца, который, оказывается, был Врагом народа, подкупленным иностранной разведкой.

Вовкина сестра, старшая пионервожатая Валерия стояла у доски и рассказывала нам про ирин подвиг и про то, как мы теперь должны гордиться нашей вожатой, которая повторила подвиг Павлика Морозова.

Валерия читала нам из разных писателей о подвиге и героизме, а мы сидели онемевшие, ошарашенные величием ириного подвига, сознавая собственное свое ничтожество и невозможность восхититься этим ее подвигом в той мере, в которой, он, очевидно, заслуживает...

В классе было тихо, как на диктанте.

И вот тут дверь распахнулась и на пороге появился Генка Дубовик - второгодник из четвертого "А". Глаза Генки сверкали восторгом.

- Эй! - крикнул Генка. - Вы чего тут сидите?! Там во дворе наш Женька вашу Ирку убивает! ..

Наша школа выстроена в виде буквы "П". Снаружи она белая, а внутри из красного кирпича. Посередине двора, чуть справа от котельной навалена здоровенная куча угля.

И вот здесь, на этой куче, мы увидели, оскаленного, как волчонок, нашего "гогочку" и отличника, "гордость школы" - Женьку Марголина, который остерьенел, кусок за куском швырял антрацитом в голову своей любимой сестры-

нашой вожатой Иры.

— Что он делает?! — заорала Валерия. Да уймите же его кто-нибудь, уймите! ..

Но никто не сдвинулся с места.

А Ира стояла, прижавшись к красной кирпичной стене — тоненькая, в синем своем вельветовом платье, на фоне огромной красной стены; она не отворачивалась, только слабо прикрывалась рукой. И кровь и слезы, перемешанные с угольной пылью, стекали у нее по лицу.

Да воскреснет Бог...

Папа разлил кагор по стаканам— себе, маме и мне.

— Все, Витьяка,— Сказал папа.— Вот ты и большая.

Что ж... Подынем стаканы, содвинем их разом, да здравствуют музы, да здравствует разум!..

И мы чекнулись и выпили.

Я сидела между моими папой и мамой, смотрела на них, и мне сейчас было так, как однажды, когда я шла от Саши (Саша живет на одиннадцатом отделении), и началась гроза, и небо раскололось и с грохотом рухнуло вниз, и полился дождь, а небо все грохотало, но мне вдруг перестало быть страшно и стало вдруг замечательно...

Вот все и встало на свои места.

Черное стало черным. А белое стало белым. Добро и свет переставали быть тьмою и злом. Все стало понятно и просто.

Час назад папа и мама пришли с митинга. Митинг был в клубе. Сначала говорил новый директор, а потом новый парторг (Хмырь-с-Бидончиком). Они говорили речи. И призывали всех, как один, голосовать за ходатайство перед Органами, чтобы группу разоблаченных врагов вредителей— бывшего директора совхоза Марголина, главного инженера Витта и профессора Михайлова— приговорили к Высшей Мере— расстрелу. А потом говорили речи преподаватели и студенты, и инженеры, и комбайнёры, и учителя... И климили по зором. И голосовали, все, как один. И только двое не подняли руки.

Эти двое- были мои папа и мама.

А потом они ушли из клуба. Они пошли в Поселковый и купили вино и дыню. И у нас был праздник. Мы пили вино , и ели дыню.

И папа и мама говорили мне правду.

Правду про Дедушку Шаманского. И про Марголина. И про Нину-Большого. И правду про "Командировку". И они объяснили, что значит "Скрытый баллист".,,

И они учили меня адресам, которые я должна запомнить, чтобы мне было, куда пойти, когда я снова останусь одна без них.

И я учила адреса.

И мы пили вино.

И ложь становилась ложью. И Правда становилась- Правдой. И расточались врази Её, яко тает воск от лица огня..

Ноябрь 1975 г.

Ленинград